

Ад идёт с нами

Автор:

Александр и Евгения Гедеон

Ад идёт с нами

Александр и Евгения Гедеон

У оружия нет имени #4

Вторжение на планету-утопию, населённую миролюбивыми эмпатами, началось! Что окажется сильнее – сила оружия или мир мечты, в котором хочется жить? И можно ли сбежать от ада, который каждый несёт в собственной душе? Содержит нецензурную брань.

Александр и Евгения Гедеон

Ад идёт с нами

Глава 1

Планета Эльдорадо. Штаб-квартира Консорциума

Председатель совета директоров Консорциума отложил планшет и устало помассировал веки, словно налитые расплавленным свинцом. Голова болела от недосыпа и вороха всё прибывающих проблем, требующих немедленного решения. На ум поневоле приходило сравнение с Гераклом, пытающимся победить Лернейскую гидру: стоило отрубить гадине одну голову, как на её месте сразу вырастали две новые.

А спустил лавину, грозящую похоронить его под собой, захват Доминионом «Иллюзии». Точнее, репортажи о станции, разом вышедшие на всех крупных новостных ресурсах Союза и тут же подхваченные каналами помельче. Даже на нейтральном Китеже вовсю крутили сюжеты о секретной станции для развлечения извращенцев.

Союз взорвался. Репортажи были подготовлены грамотно, не оставляя и тени сомнений в достоверности информации. И это сработало. По Гефесту, Вулкану, Плимуту и Бейджину прокатилась волна беспорядков. Запылали офисы и представительства Консорциума, охрана которых имела глупость открыть огонь по осаждающей толпе. Те из показанных в репортажах политиков и бизнесменов, что не успели – или по глупой самонадеянности не захотели – сбежать под охрану полиции, были линчеваны в собственных домах и офисах.

Оппозиционеры и журналисты подливали масла в огонь, требуя отставки правительства, разрыва отношений с Консорциумом и прекращения боевых действий против Доминиона. И их требования находили всё большую поддержку у населения. Война с Доминионом, изначально воспринятая в Союзе как борьба за свободу, теперь представала в совершенно ином свете. Оппозиция прямо называла Консорциум виновником конфликта, обвиняя в попытке обманом заставить Союз проливать кровь ради интересов корпораций.

Консорциум нёс колоссальные убытки, но это казалось мелочью на фоне пугающе реальной угрозы остаться один на один с Доминионом. Весь план войны строился на сложной системе договоренностей с купленными политиками Союза и лидерами сепаратистских движений в Доминионе.

Несмотря на всю мощь, Доминион не потянул бы войну против поддержанного Союзом Консорциума, начнись у него в тылу череда восстаний. Более того, стратеги Консорциума разработали план на случай повторения «дорсайского сценария» и наглядной демонстрации мощи путём уничтожения одного из миров Союза. Все аналитики сходились во мнении, что мишенью станет Новый Плимут. Потеря землеподобной планеты, столицы, будет достойным «уроком» непокорным колонистам.

Консорциум не собирался мешать Доминиону в этом начинании. Во всяком случае, не сразу. Бой где-то в космосе, на границе системы, будет для большинства обывателей лишь строкой в новостной ленте. Но когда флот Доминиона сомнёт планетарную оборону и сотрёт с лица Плимута пару

столичных кварталов, флот Консорциума жители планеты встретят как спасителей. И превращённые в руины городские кварталы надолго останутся свидетельством зверств Доминиона и самоотверженной верности Консорциума. После такого никто не заикнётся о прекращении войны, превратившейся в священную защиту родной земли.

Ради этой комбинации Консорциум безжалостно ободрал эскадры, прикрывающие второстепенные рубежи. Отозванные оттуда боевые корабли тайно сосредоточили в одной из принадлежащих корпорациям систем в одном прыжке от Плимута.

Туда же должны были прибыть и боевые суда расположенной на другом конце Доминиона корпорации “Тримурти”, с которой Консорциум заключил тайный союз.

Но теперь плану грозил крах. Союз сотрясился в лихорадке протестов. Власти вынуждены были реагировать, отстраняя от должностей и отправляя под арест всех упомянутых в репортажах. Правительство Китежа вообще закрыло все представительства Консорциума и пригрозило уничтожать любое судно корпоратов, рискнувшее показаться в их пространстве.

Восстание на новоприобретённых колониях Доминиона тоже не торопилось разгораться. Сепаратисты сидели тихо, ожидая результатов начавшихся боевых действий. Союзники... С такими союзниками и врагов не нужно. Будут сидеть, дрожа за свои шкуры, и подадут голос лишь тогда, когда окончательно удостоверятся в безопасности этого шага.

Но других союзников, к сожалению, не было. Представители мегакорпораций Доминиона, прочно инкорпорированные во власть, прямым текстом заявили о своей заинтересованности в поражении мятежного Консорциума. Под угрозой оказалось само его существование. Оставалось надеяться, что спешно начатая атака на Идиллию сможет отвлечь на себя внимание граждан Союза. И спровоцировать карательную акцию Доминиона.

Система Идиллия

Житель Земли сравнил бы увиденное с северным сиянием. Гефестианец – с электрической бурей. Но явление носило искусственный характер. Безмятежное пространство озарило мерцание раскрывшейся «кротовины», пропускающей в систему вражескую армаду.

Командующий флотом Союза счёл выход через Врата Идиллии дурной затеей. Боевая автоматическая станция Доминиона могла уничтожить несколько судов, вынужденных перемещаться поочерёдно и тратить время на маневрирование, освобождая место для следующих кораблей флотилии. Удобные мишени, как в ярмарочном в тире.

Слепой прыжок тоже нёс немало рисков: и точка выхода могла оказаться неудачной, и рассеянный по системе флот был слишком уязвим. Но возможные неприятности всегда лучше неприятностей гарантированных.

Стальные громады кораблей Союза появлялись в хаотичном порядке, разбросанные по системе волей слепого случая. Увы, Фортуна не спешила проявлять благосклонность, и одна из автоматических ракетных платформ угодила в гравитационный капкан звезды. Построенный по принципу «дёшево и сердито» корабль-робот, по сути, был неповоротливым средством доставки ракет из одной точки в другую. Оснащённый недорогим оборудованием и маломощными двигателями, он не сумел преодолеть притяжение звезды и стал первой потерей Союза в этой операции.

Остальным повезло больше, и вскоре корабли Экспедиционного Корпуса пришли в движение, собираясь вместе. Весь процесс длился больше десяти часов, хотя суда шли по кратчайшему курсу, стремясь побыстрее занять своё место в строю эскадр.

Буксиры со спускаемыми модулями заводов, десантные суда и авиаматки ещё выстраивались позади боевых кораблей и автоматических ракетных платформ, а к обречённой планете уже мчались лёгкие разведчики, похожие на злобных металлических ос.

Экспедиционный Корпус прибыл в систему Идиллии.

Планета Идиллия. Штаб объединённой группировки войск Доминиона

В голофильмах враг из космоса внезапно вываливается на головы ничего не подозревающим защитникам планеты, используя фантастические технологии невидимости. В реальности всё иначе: человечество давно освоило способы наблюдения за космосом, замечая даже самые незначительные объекты. Что уж говорить об армаде численностью больше чем в сотню вымпелов?

Штаб объединённой группировки оперативно воплощал разработанный ранее план, детали которого командующий изложил на спешно собранном селекторном совещании. Помимо военных, в обсуждении участвовали все представители планетарной администрации во главе с королём Дариусом.

Когда командующий замолчал, правитель вежливо кашлянул.

– Генерал-полковник, – обратился он к умолкшему военному. – Корона желает оказать всё возможное содействие, но для этого необходимо понимать ситуацию. Вы не могли бы коротко и в понятных гражданским терминах повторить суть?

– Попробую, – кивнул командующий. – Мы так хорошо вводили врага в заблуждение касаясь нашей численности, стремясь оттянуть время атаки, что перестарались. Даже учитывая то, что союзовцы сейчас пытаются с помощью имитаторов навешать нам лапши на уши уже по поводу своей численности, их, один чёрт, много. По самым скромным прикидкам, наземные части Союза превосходят наши раз в восемь.

– А флот... – король вопросительно поднял бровь.

– Сил недостаточно для победы над врагом, – не стал скрывать генерал-полковник. – Только понесём бессмысленные потери в кораблях. Наш флот проредит суда с вражеским десантом, затем оставит автоматические ракетные платформы, минирует орбиту и направится на соединение с идущими на помощь кораблями Доминиона. Так что недели три нам придётся справляться своими силами.

Король ненадолго задумался, а потом коротко спросил:

– Справимся?

– Должны, – командующий помассировал переносицу. – Если удастся ликвидировать первую волну десанта, мы получим ещё немного времени, пока они готовят вторую высадку. Не получится – перейдём к запасному плану: отведём войска на оборудованную линию обороны между столицей и занятым союзниками плацдармом. Пусть они бьются лбами о наши укрепления, теряя людей и технику, пока мы ожидаем подкрепления из метрополии.

– Как скоро прибудет помощь Доминиона?

– Рассчитываем на неделю, – прикинул командующий. – Кораблям придётся совершить серию прыжков к нам от центральных миров.

– Когда мы узнаем более точное время прибытия флота?

– Когда они появятся в системе, – вздохнул генерал-полковник. – Связи мы лишимся в ближайшие сутки. Противник либо захватит, либо уничтожит Врата. В обоих случаях наши сигналы некому будет пересылать через кротовины к следующим Вратам.

Дариус помрачнел.

– Что помешает врагу просто обойти или перелететь нашу линию обороны на поверхности планеты? – спросил он.

– Подземные оборонительные сооружения, мы называем их «фортами», расположены, грубо говоря, кольцом диаметром в тысячу километров, в центре которого – столица, – упростил генерал. – Форты связаны между собой сетью тоннелей, позволяющих оперативно доставлять боеприпасы и перебрасывать подкрепления, к тому же они могут оказывать друг другу поддержку артиллерийским огнём и вызывать авиацию. От воздушных и орбитальных ударов врага гарантированно защищает наша противовоздушная и противокосмическая оборона. В случае прорыва на каком-либо участке мы обладаем достаточным резервом, чтобы его купировать. В общем, силы врага не безграничны и сидение в обороне играет нам только на руку.

– Почему вы считаете, что враг пойдёт на защищённую столицу? – продолжил расспросы монарх. – Зачем им «биться лбами» о ваши укрепления, когда они

могут захватить любой незащищённый город планеты?

– Потому что, пока мы тут, подкрепления Доминиона могут высаживаться беспрепятственно под защитой наших систем противокосмической обороны, – пояснил генерал. – В то же время флот Союза будет постоянно находиться под угрозой наших ракет.

– Значит, боевые действия будут вестись на земле, на укреплённых позициях... – резюмировал Дариус. – Чем мы можем помочь войскам?

– Объявите набор добровольцев в службы спасения. Проведите экспресс-курсы по оказанию экстренной помощи среди медиков всех специализаций. Проверьте запасы медикаментов и продовольствия – у вас не больше суток на пополнение. Потом поставки в столицу могут заблокировать. И начинайте проводить среди населения учения по гражданской обороне.

Планета Идиллия. Военная база «Эсперо-1»

У китежцев есть старая пословица: шила в мешке не утаишь. Идиллийцы не очень хорошие хранители тайн, и то, что происходило между Брауни и Схемой, недолго оставалось секретом. И едва информация об отношениях между штамповкой и человеком дошла до ушей Дюрана, тот немедленно уведомил командира бригады Стражинского, проигнорировав майора Савина, в чьём непосредственном подчинении находились репликаны.

Доклад заставил комбрига задуматься. Стражинский хорошо знал, чем заканчивались прошлые попытки создать «универсального солдата», и меньше всего хотел получить новый мятеж репликантов. А в прошлом к восстаниям приводило как раз желание штамповок уподобиться людям.

Лично Стражинскому было глубоко наплевать на то, чем репликаны занимались в свободное от службы время, пока они исправно выполняли возложенные на них задачи. В настоящий момент его, как командира, репликаны устраивали полностью. Исполнительные, дисциплинированные, готовые выполнить приказ ценой собственной жизни. Идеальные бойцы.

В отличие от обычных солдат, с репликантами практически не возникало проблем. А те, что иногда случались, носили совершенно иной характер и, по мнению офицеров, непосредственно командующих репликантами, происходили исключительно по вине разработчиков, усиливших природную агрессию модели «Арес».

Но сейчас... Сейчас речь шла о прямом нарушении запрета на внеслужебные отношения с людьми. Простой дисциплинарный проступок для человека – для репликанта это могло стать первым шагом на пути неподчинения. Пути, в конце которого все они умоются кровью.

С другой стороны, в происходящем была изрядная вина командования. Они сами отдали искусственным солдатам приказ выйти в город и наладить общение с местным населением. Штамповки могли трактовать противоречие в пользу ослабления или отмены старого запрета. Да и Идиллия не лучшее место для спуска репликантов с поводка. Местные, как в старой шутке, трахали всё, что движется, а что не движется – расшевеливали и трахали. Чего греха таить, Стражинский и себе не отказывал в удовольствии проводить свободное время в объятьях местных «спутниц». Если идиллийка-тех применила на штамповке феромоны – у того практически не было шансов сохранить дистанцию.

Первым порывом комбрига было разогнать к чёртовой матери всех местных, пока их тяга к забавам не привела к беде. Но рассудок удержал Стражинского от неразумного поступка. Во-первых, несмотря на слабую дисциплину, идиллийцы были высококлассными специалистами, которых всегда не хватало. Во-вторых, что толку выгонять аборигенов с базы, когда репликанты ежедневно разгуливали по туристическому кварталу?

Комбриг налил в стакан фруктового сока и подошёл к окну. «На улице шёл дождь и пехотная рота», – некстати вспомнилась ему древняя шутка при виде солдат, марширующих на обед под ласковым идиллийским дождиком. Настроение, правда, от этого не поднялось. Нужно было как-то разобраться в сложившейся ситуации и, если это реально стало проблемой, решить её.

Стражинский сделал глоток, задумчиво глядя поверх крыш жилых модулей.

«А в чём, собственно, проблема? – подумал он. – Идиллийка затащила в постель штамповку. Предсказуемо. Но есть ли у этого события негативные

последствия?».

Для решения этого вопроса комбриг вызвал к себе Тайрелла и Савина. Последний сообщил, что замечаний к РС-355420 не имеет, служебные обязанности репликант выполняет без нареканий. Ну а чем тот занимается в свободное время – майору откровенно пофиг, если в этом нет ничего криминального. О чём Савин прямо заявил начальству. И добавил, что гораздо больше его интересует, какого рожна «личинка офицера», «этот недоразвитый эмбрион славы», ещё вчера на экзаменах в училище трясшийся от ужаса, прыгает через голову командира батальона.

А вот корпората событие крайне заинтересовало. Он до того утомил комбрига вопросами о деталях отношений репликанта с идиллийкой, что был послан к Дюрану, явно склонному собирать сплетни о чужой личной жизни. Идею поговорить с лейтенантом Тайрелл воспринял с таким энтузиазмом, что впору было посочувствовать Дюрану.

– На самом деле я наблюдаю положительную динамику как у всех единиц, составляющих вашу бригаду, в целом, так и у рядового РС-355420 в частности. После ампутации руки он демонстрировал состояние, близкое к посттравматическому синдрому, однако недавно за короткий срок вернулся к норме.

– Хотите сказать, что общение с местными пошло на пользу штамповкам? – уточнил комбриг.

– На первый взгляд, да, – подтвердил корпорат. – Но во что это выльется в будущем... Для прогноза не хватает данных. Предлагаю оставить эту и другие особи, которых выявим, под наблюдением. Мне необходимо изучить ситуацию в динамике для построения точного прогноза. При любой угрозе неподчинения или мятежа мы сразу же утилизируем дефектные особи.

– Если раньше нас всех не утилизируют союзовцы, – усмехнулся Савин.

– Тогда проблема потенциального восстания репликантов решится сама собой, – хмыкнул комбриг.

Отпустив корпората и майора, Стражинский устроил нахлобучку Дюрану за то, что тот вместо выполнения своих обязанностей лезет в штаны к репликантам. Затем настала очередь Чимбика – ему полковник «вкрутил фитиль» для профилактики, чтобы сержант получше следил за личным составом, который начал забывать своё место.

Но если Чимбик отделался нотацией, то для Дюрана всё закончилось куда плачевнее. Савин, разъяренный тем, что лейтенант подал рапорт напрямую комбригу, проигнорировав существование командира батальона, в котором служил репликант, не стал спускать подобную наглость. Выловив лейтенанта у боксов, майор провёл с ним краткую воспитательную беседу, после которой Савин отправился попить кофе в столовую, а Дюран – в медсанчасть: вспоминать о субординации, лёжа на койке.

На утреннем разводе Стражинский, оглядев выстроившиеся на плацу подразделения, сказал:

– А теперь о технике безопасности. Все знают, что случилось с лейтенантом Дюраном? Для тех, кто не в курсе: лейтенант пренебрёг элементарными мерами безопасности в жарком климате, передвигаясь по расположению части без головного убора, вследствие чего получил солнечный удар и упал. При падении лейтенант Дюран получил вывих руки, перелом нижней челюсти и носа. Поэтому напоминаю: по солнцепёку без головного убора не шастать! Во избежание травматизма!

По рядам прокатился сдавленный смех. О том, каким образом Дюран получил «солнечный удар» на самом деле, вся бригада благодаря «солдатскому радио» узнала едва ли не раньше, чем пострадавшего доставили в медсанчасть. Огромный лиловый фингал на лице лейтенанта, формой подозрительно соответствующий кулаку Савина, указывал на то, что солнце поразило Дюрана прямо в глаз.

Сам Савин, слушая шепотки сослуживцев, понял, что от прозвища «Солнышко» ему теперь не отделаться до самой пенсии. Да не факт, что и на пенсии избавится. Армейские прозвища имеют привычку прилипать намертво.

Не до смеха было лишь репликантам. Каждый думал о том, чем всё это закончится для Брауни и Сверчка, если тот тоже попадётся. В их судьбах братья

видели отражение собственного будущего.

– Я убью Дюрана, – ровным, безэмоциональным голосом произнёс Брауни. Так тихо, что слышать его могли только те, кто стоял рядом. – Как только представится возможность.

Никто не возразил.

– Я в деле, – спокойно сообщил Стиллет.

Он хотел добавить ещё что-то, но по ушам ударил низкий, басовитый рёв тревожной сирены.

На Идиллию пришла война.

Глава 2

Система Идиллия. Орбита планеты Идиллия

Бой в космосе не имеет ничего общего с тем, что показывают в боевиках. Нет ни лихих пилотов космических истребителей, ни громадных бронированных монстров, обстреливающих друг друга с pistolетных дистанций. Бой в космосе – это высокотехнологичная шахматная партия, ставка в которой – жизнь.

Прикрывающая Идиллию эскадра Доминиона маневрировала, стараясь занять наиболее выгодное положение для обстрела атакующих. Тем же занимались боевые корабли Союза. Ещё не было сделано ни одного выстрела, а посты радиоэлектронной борьбы уже воевали, стремясь подавить или обмануть вражеские средства наведения.

Уступающие в силе доминионцы сосредоточились на уничтожении как можно большего числа транспортов противника. Даже если они не сумеют полностью сорвать десант на поверхность планеты, то хотя бы облегчат работу наземным частям.

Авиаматки выпустили рои беспилотных истребителей, артиллерийские корабли произвели первые пристрелочные пуски. Сражение началось.

Система Идиллия. Орбита планеты Идиллия, большой десантный корабль «Санта-Мария»

«Санта-Мария» находилась в третьем эшелоне десантных кораблей. В первой волне шли штурмовые части, которые должны были захватить и удержать плацдарм. Сразу за ними следовали пехота, танковые и артиллерийские части – им предстояло сокрушить оборону врага и пойти на прорыв. И лишь потом наступала очередь подразделений обеспечения, военной полиции и полковых штабов.

Времена, когда командир лично возглавлял атаку, миновали ещё в докосмическую эпоху. Развитие вооружения привело к тотальному перелому в военном деле, заставляя командование перемещаться всё глубже и глубже в тыл, за пределы досягаемости противника.

Ушли в прошлое блистательные военачальники, со шпагой наголо ведущие солдат на оцетинившиеся штыками вражеские шеренги. Штабная работа превратилась в сложную шахматную партию, где ценой ошибки становилась не потеря фигуры, а сотни или тысячи жизней.

Развитие средств связи позволило разворачивать штаб и осуществлять эффективную работу вдали от передовой, вне досягаемости артиллерии врага. Когда война вышла за пределы одной планеты – безопаснее оказалось осуществлять управление войсками с борта корабля, высаживаясь лишь тогда, когда враг будет отброшен на достаточное расстояние от плацдарма. Те же, кто пренебрегал этим простым правилом, очень быстро осознавали всю пагубность своей ошибки. Зачастую слишком поздно, чтобы успеть её исправить. История пестрила именами военачальников, жестоко поплатившихся за то, что поддались соблазну и развернули командные пункты в опасной близости от передовой.

В армии Союза подобных дураков не наблюдалось, поэтому штабы высаживались в последнюю очередь, на гарантированно зачищенную и защищённую от неприятных сюрпризов территорию.

Причисленный к штабу полка Нэйв входил в число счастливицов, высаживающихся позже всех. И час высадки настал.

Грэм двигался в колонне младших штабных офицеров, бегущих к шаттлу. Старшие офицеры грузились с противоположного борта: предосторожность на случай попадания в один из ангаров.

Мелькнула шальная мысль, что для него, Грэма, подобный исход был бы не самым плохим. Героическая гибель в бою вместо позорного разоблачения следственной группой, которая нетерпеливо ожидает его на Новом Плимуте.

Внезапное начало военной кампании подарило Грэму нежданную отсрочку. Пока он на фронте – можно чувствовать себя в относительной безопасности. Но и тут велик шанс, что следователи раскопают его связь с Лорэй и выяснят, какую роль он сыграл в недавних событиях. Тогда начальник контрразведки Экспедиционного Корпуса получит приказ арестовать Нэйва, невзирая на боевые действия.

Грэм безуспешно пытался найти выход из сложившейся ситуации, но никакого решения не вырисовывалось. Это Лорэй хорошо: они художницы не местные, поработали и уехали. А ему разгребать последствия...

Додумывал Грэм уже на лету, глядя, как меняются местами палуба и подволок ангара. В забрало шлема плеснуло тёмной жидкостью, а в следующий миг палуба с силой ударила его по голове.

Грэм на миг потерял сознание, а очнувшись, несколько секунд пролежал на спине, приходя в себя и осознавая случившееся.

Перед глазами мельтешило от данных, поступающих на такблок. «Санта-Мария» напоролась на мины – висящие на орбите планеты дроны-камикадзе, представляющие собой противокорабельные ракеты с примитивным ИИ и дополнительными маневровыми двигателями. Множество обломков и активная работа вражеской РЭБ не позволили экипажу БДК[1 - БДК – большой десантный корабль.] вовремя заметить угрозу. Эта заминка подарила трём минам бесценные секунды для выхода на позицию и отстрела боеголовок, начинённых тысячами шариков из высокопрочного сплава. Часть удалось перехватить

расчётам лазеров ближней обороны судна, но остальные разорвались на уровне ангарной палубы левого борта, превратив её в филиал ада.

Разогнанные до скорости нескольких сотен метров в секунду поражающие элементы с одинаковой лёгкостью прошивали как высокопрочные сплавы корабельных конструкций, так и податливую человеческую плоть, превращая отсеки в кошмарное месиво плоти и металла.

Грэм пальцами протёр визор от чужой крови и огляделся.

Ангар выглядел жутко. Часть десантных ботов сорвало со стартовых катапульт, и теперь они валялись на палубе, словно выброшенные на берег туши морских животных. Над ними чудовищными техногенными джунглями нависали искорёженные шлюп-балки, мостики, перебитые трубопроводы и кабели. А между всем этим...

Нэйву понадобилось несколько секунд, чтобы понять: неопрятные кучи на палубе – это то, что осталось от его товарищей, получивших попадания. Ноги капитана придавила чёрная клочковатая масса, в которой Грэм с трудом опознал тело, получившее в грудь стальную «дробину». Сквозь дыру в плоти была видна палуба ангара.

Грэм сглотнул и отпихнул страшный груз в сторону. Глупые фантазии о героической гибели сменили ужас и неодолимая, на грани сумасшествия, жажда жить. За свои двадцать три года он уже несколько раз успел заглянуть в глаза смерти, разминувшись с ней вплотную. Но что в поместье работоторговца Батлера, что в загородном доме извращенца-сенатора, что в пакгаузе с доминионцами у Нэйва оставался шанс повлиять на ситуацию. А здесь запертый в стальной коробке капитан полностью зависел от совершенства автоматики и навыков экипажа корабля.

Зарождающуюся панику прервал хлопок по шлему.

– Соображаешь? – услышал Нэйв голос Ракши в наушнике.

– Да, – с трудом проскрипел Грэм, неимоверным усилием воли отгоняя слепой, животный ужас.

Мимо них пробежал ремонтный робот, похожий на огромного краба, а за ним тяжело протопали матросы аварийно-спасательной бригады.

– Идти можешь? – спросила Дёмина.

На её плече висела однорукая фигура, в которой такблок опознал одного из помощников зампотеха полка. Только сейчас Нэйв сообразил вывести на такблок список выживших. И с трудом сдержал горький стон: попадания пришлось на оба борта лётной палубы. По сути, штаб полка военной полиции перестал существовать. Из старших офицеров в строю остался только Рам, из младших – шестеро, включая Ракшу и Нэйва.

– Могу, – Грэм встал, стараясь не смотреть на то, что осталось от товарищей.

Подоспевшие медики забрали раненого у Ракши. Один из врачей повернулся к Нэйву, но капитан отрицательно качнул головой, показывая, что всё в порядке.

На такблоке появилась новая вводная: выжившим офицерам штаба собраться в наименее пострадавшем ангаре левого борта, погрузиться в один из уцелевших шаттлов и продолжить десантирование. Потери, понесённые полком Рама, были признаны не настолько катастрофическими, чтобы менять график высадки.

Планета Идиллия. Окрестности города Арбаро

Отделение Чимбика расположилось в лесу, километрах в двадцати от города Арбаро, одного из промышленных центров планеты. Второй по величине космопорт Арбаро в штабе резонно сочли наиболее вероятной целью врага.

С высоты, занятой репликантами, открывался прекрасный вид на город, но сейчас он мало их интересовал. Затаив дыхание, группа следила за ракетным обстрелом столицы.

Гражданские строения Эсперо врага не интересовали – целью орбитальной атаки стали военные объекты. В первую очередь установки ПКО по периметру города. Но отклонения от цели и ошибки наведения могли привести к попаданиям в жилые районы, и репликанты замерли, боясь пропустить хоть

слово из сообщений системы управления боем.

Враг усиливал обстрел, всё увеличивая и увеличивая число пусков. В какой-то момент сержант понял, что налёт на город отражают абсолютно все наличные силы противокосмической и противовоздушной обороны доминионцев. Если у врага остались резервы для усиления обстрела – ПКО может не справиться.

Стиснув зубы, Чимбик старался не думать о Талике и её домочадцах. Не получалось. Воображение, словно издеваясь, подсовывало красочные картины разбитого взрывом боеголовки дома с раскиданными на лужайке окровавленными телами.

За своими переживаниями Чимбик едва не пропустил очередное сообщение системы управления боем: враг начал высадку. Более чем в тысяче километров от местоположения группы, в окрестностях города Зелар.

– Вот зачем они город обстреливали, – догадался Брауни.

Сержант угукнул. Остервенение, с которым союзовцы долбили столицу, объяснялось просто: враг обезопасил собственный десант, заставив ПКО домининцев сосредоточиться на защите. Тот самый случай, когда хитрец перехитрил себя: доминионцы так хорошо ввали о своём мнимом численном превосходстве, что враг купился. И собрал столько кораблей для обстрела планеты, что у зенитчиков уже физически не хватило сил для отражения десанта. Сейчас основную угрозу для высаживающихся войск представляли висящие на орбите мины да истребители-перехватчики в атмосфере.

Получив новый приказ, Чимбик повел отделение к точке сбора. Наземные силы спешили прибыть к Зелару до того, как противник закрепится на плацдарме.

Планета Идиллия. Военная база «Эсперо-1», штаб объединённой группировки войск Доминиона

– Зелар? Точно? – командующий упёрся взглядом в голографическую карту. – Кто у нас там?

– Триста восьмой полк мобильной пехоты, четыреста пятый гвардейский артиллерийский полк, – доложил начштаба, словно командующий и сам не видел тактические обозначения подразделений, раскиданные вокруг города, словно фишки из настольной игры.

– Мало, – генерал-полковник подвигал челюстью, словно пережёвывая слова перед тем, как их произнести. – Начинайте переброску войск, находящихся поблизости. Не дайте врагу захватить плацдарм. И...

– Да? – начштаба замер, вопросительно глядя на командующего.

– Если в течение часа уничтожить десант не получится – отводите войска на линию фортов, – после долгой паузы приказал командующий.

Планета Идиллия. Военная база «Эсперо-1», часом позже

У взлётно-посадочных площадок царило сонное ожидание. Медики безмятежно расселись у стены ангара, в тени, и потягивали сок из запотевших банок. Глядя на них Схема, пережившая несколько неприятных минут в бомбоубежище, окончательно успокоилась.

Ни одна ракета не достигла города. Ни один идиллиец или сотрудник базы не пострадал. Разве это не знак, что всё закончится хорошо? Что Брауни скоро вернётся и расскажет, как они выдворили с Идиллии войска Союза?

Резкий звук стер мечтательную улыбку с губ девушки.

– Медицинскому персоналу приготовиться к приёму раненых! – прогремело из динамиков.

Врачи, только что блаженствовавшие в тенёчке, засуетились переполошёнными муравьями, раскрывая борта своих машин и вынимая оттуда носилки и аппаратуру. От них исходило спокойствие профессионалов, и волнение идиллийки отступило, едва зародившись.

Один из офицеров-медиков вскинул к глазам бинокль. Схема посмотрела в том же направлении, но увидела лишь чистое, безоблачное небо, в котором несколько секунд спустя появился рой точек, больше похожих на мошкару, чем на санитарные вертолётёты.

Наконец уже и невооружённым глазом можно было различить быстро приближающиеся силуэты с характерными «бочонками» турбин на фюзеляжах.

По ушам резанул крик:

– Летят!

Тёмные силуэты превратились в бешено несущиеся вертолётёты с эмблемами медицинской службы на бортах. Одна из машин дымила, виляя хвостом, и с явным трудом удерживалась в воздухе.

Схема поразилась их количеству. Она ожидала один, ну, может, два медицинских борта и теперь, холодея, невольно умножала количество машин на количество мест внутри.

Жуткая, пугающая математика войны.

Один из врачей оглянулся и, сердито нахмурившись, махнул рукой, отгоняя непрошенного зрителя. Идиллика беспрекословно отошла, понимая, что может стать помехой. Но девушку словно что-то удерживало, не позволяя уйти. Устроившись в стороне, у самой стены ангара, Схема вперила взгляд в летящие силуэты и невольно обхватила себя руками в предчувствии беды.

Первый вертолёт опустил на площадку, распахивая борта. Замершая в напряжении Схема ожидала увидеть нечто, похожее на сцены из голофильмов: раненые герои с ослепительно-белыми повязками сходят по трапу, опираясь на плечи товарищей. Или их выносят фонтанирующие шутками врачи. В худшем случае ей представлялись бледные бесчувственные тела, которые спешно переправляют в медицинские машины для транспортировки в операционную.

Реальность оказалась иной.

Переменяя брань с диагнозами и указаниями, врачи принимали от санитаров и перекладывали на носилки жутко исковерканные, окровавленные тела. Во всяком случае, относились они к раненым именно как к телам – обезличенным орудиям, подлежащим возвращению в строй или утилизации.

Санитары сноровисто и равнодушно освобождали раненых от остатков брони и нательных костюмов, бесцеремонно кидая детали под ноги. Брошенные вещи тут же подбирали юркие роботы и уносили в боксы – на сортировку и ремонт. Армия всегда бережно относилась к своему имуществу. Иногда даже бережнее, чем к людям.

Орущих, мычащих от боли или блаженно улыбающихся в наркотическом бреду тоже сортировали с утилитарной безжалостностью.

– Холодный, – один из врачей оттолкнул безвольное тело солдата, тут же переходя к другому, пускавшему кровавые пузыри изо рта.

Убитого деловито оттащили в сторону, к другим трупам, и принялись готовить к упаковке в мешок с инертным газом, не обращая внимания на суету роботов, подбирающих содранные детали экипировки – ценное имущество, которое ещё послужит новым владельцам.

Война временно уравнила людей и репликантов, превратив и тех и других в куски ещё живого мяса, терзаемого болью. Болью, волнами захлёстывающей Схему.

В отличие от привыкших ко всему медиков, эмпат просто не могла отгородиться от затопившего её океана чужих страданий. Схема даже не заметила, как оказалась лежащей на грязном бетоне. Она кричала, терзаемая множеством ранений, и выхватывала взглядом отдельные фрагменты чудовищного зрелища, навсегда превратившегося для неё в калейдоскоп кошмаров.

Она видела, как матерящиеся санитары перекладывали на медицинский матрас солдата, обожжённого настолько, что плоть кусками сползала с костей под пальцами медиков. Ноздрей девушки коснулась страшная, ни на что не похожая вонь сгоревшей плоти и чего-то ещё, такого, что она потом долго не могла заставить себя прикоснуться к жареному на углях мясу.

Идиллийку вывернуло смесью кофе и желчи.

Недалеко от корчившейся Схемы сидел солдат, державший в левой руке свою оторванную правую и сбивчиво объяснявший врачу, что ту ещё можно пришить на место. Он ругался до тех пор, пока врач не отвесил раненому оплеуху, от которой оторванная конечность вылетела из ослабевшей руки, стукнула о покрытие площадки и тут же была подхвачена роботом, который содрал с неё остатки ткани и поволок к контейнеру с надписью «хирургические отходы».

– Уберите её! – заорал кто-то из медиков, указывая на идиллийку, и тут же отвернулся к очередному пациенту.

Кто-то ухватил Схему под руки, бесцеремонным рывком поднял на ноги и поволок прочь от этого чистилища, где вырванных из пекла уносили на алтарь возрождения ангелы в заляпанных кровью одеждах.

Схема плелась, не разбирая дороги, а перед глазами стояли скрюченные, обугленные пальцы обожжённого солдата, словно вцепившиеся в улетающую жизнь. Наконец, сознание милосердно покинула измученное чужой болью тело.

Сколько длилось беспамятство – Схема не знала. Она приподнялась, обнаружив, что лежит на раскатанной солдатской плащ-накидке. Солнце уже начало клониться к горизонту, но жара не спала. В раскалённом воздухе витал густой, тошнотворный, ни на что не похожий запах, от которого девушку вновь скрутил приступ рвоты.

Наверное, именно так воняло в аду.

Схема утёрла рукавом испачканные губы и попыталась встать. Вышло не с первой попытки – ноги дрожали, тело охватила болезненная слабость.

Каждый шаг давался с трудом, но идиллийка упрямо шла к цели. Кто-то пытался ей помочь, но Схема не глядя отмахнулась. В замутнённом сознании не было даже понимания, зачем возвращаться. Нечто необъяснимое толкало её вперёд, к посадочной площадке.

Раненых уже не было. Место врачей заняли техники и их роботы, торопливо готовившие вертолёты к следующему вылету. Щелкали вставляемые в медицинских дроидов кассеты с медикаментами, оружейники с хэканьем вставляли ракеты в гнёзда пусковых установок.

Но всё это Схема едва рассмотрела. Её взгляд приковал робот с садовым шлангом в руках. Обыденная картина, вот только поливал он не газон перед домом. Робот смывал скопившуюся на площадке и в десантных отсеках кровь. Та стекала под ноги пилотов и медиков, спешивших занять свои места в машинах, собиралась в яркие розовые ручейки и исчезала в канализационном стоке.

А Схема стояла и смотрела, видя не грязную воду, а сотни жизней, обыденно спущенные в канализацию.

Глава 3

Планета Идиллия. Округ Зелар, тридцать километров от города Зелар

Только маршевая колонна

В обманчивой тишине

Внушительно и непреклонно

Шагающая по стране[2 - Редъярд Киплинг, «Два пригорка», пер. Евгений Витковский.].

Именно эти строки из стихотворения древнего земного поэта, прочитанные в доме у Талики, пришли на ум Чимбику. Сержант лежал за деревом, наблюдая за колоннами вражеской техники, тянувшимися по шоссе. Действительно величественное зрелище, разве что ничуть не тихое.

Колонна гремела, грохотала, рычала и свистела, словно чудовище из книжек, что так любил Блайз. Колёсные и гусеничные бронемашины, танки, артиллерия, зенитные установки, инженерно-сапёрная техника, разномастные роботы, авиация производили впечатление даже на репликантов.

А с небес на землю спускались всё новые и новые шаттлы Союза, выпуская из трюмов очередные партии захватчиков, и казалось, что этот конвейер бесконечен. Репликанты наблюдали за высадкой уже пятый час, с того момента как войска Доминиона отошли на подготовленные рубежи обороны. И за это время ветераны сражения на Хель смогли воочию увидеть изменения, произошедшие с армией Союза.

Практически вся техника захватчиков была произведена в Консорциуме. Новейшие образцы, ненамного уступающие тем, что состояли на вооружении Доминиона. Именно по этой причине репликанты наблюдали за врагом сами, не используя дроны: корпораты слишком хорошо знали частоты, на которых работали «мухи» командос. Хотя при переходе в войска Доминиона репликанты получили новое, усовершенствованное снаряжение, Чимбик не хотел рисковать, испытывая удачу. Лучше пройти лишние несколько километров, чем получить на голову снаряд, наведённый по запеленгованному сигналу такблока.

– Что-то их дохрена, – мрачно подытожил Блайз.

Чимбик даже не стал отвечать. О том, что сражение за Идиллию не будет лёгкой прогулкой, репликанты знали с момента переброски к Эсперо. И теперь, глядя на растянувшуюся вдоль дороги вражескую колонну, сержант осознал это особенно чётко.

Планета Идиллия. Округ Зелар, фермерские хозяйства близ города Зелар

Ещё несколько часов назад здесь цвели сады и зеленели поля фермерских хозяйств. Разгоревшееся сражение превратило большую часть из них в перепаханные воронками и заваленные чадящими обломками пустоши. Дымы пожаров расчертили небо уродливыми ломаными линиями, похожими на скрюченные пальцы тварей из ночных кошмаров.

На фоне апокалиптического пейзажа город на горизонте казался выходцем из другого мира. Зелар не пострадал вообще: силы Союза сумели отсечь доминионцев, избавив себя от кошмаров затяжных городских боёв. Да и сами доминионцы не стремились к этому: поняв бесплодность попыток ликвидировать плацдарм врага, защитники Идиллии отступили, проутюжив на прощание зону высадки артиллерией.

Бой ещё не успел отгреметь, а инженерные подразделения уже работали: тушили пожары, растаскивали подбитую и сгоревшую технику, убрали обломки, ремонтировали дорогу. Костас приметил даже санитарные машины, направляющиеся к горящим фермам.

«В духе Прокофьева», – подумал полковник.

Насколько он успел изучить корпората, назначенного ответственным за оккупированные территории, тот был прагматиком до мозга костей. Ничего лишнего, никакой пустой траты ресурсов. Естественно, едва затихли последние выстрелы боя, генерал Прокофьев немедленно выделил силы для устранения ущерба, нанесённого источникам продовольствия.

В другой день Костас Рам искренне порадовался бы такому подходу руководства, но сегодня... Пережитое на орбите трансформировалось в злобу, требующую выхода. И туземцы казались наиболее подходящими кандидатами на роль громоотвода. Доминионские шавки, преданно припавшие к ботинкам хозяев, стоило тем просто появиться и строго цыкнуть.

С идиллийцами Костас сталкивался всего пару раз, и его мнение о жителях этой планеты ненамного превышало высоту декоративного плинтуса. Развращенные, пресыщенные гедонисты, думающие лишь об удовольствиях – такими он видел жителей планеты-курорта. До контакта с Доминионом эти мягкотелые ублюдки блаженствовали в своём мирке, и Рам даже в чём-то их понимал – всё же местные действительно смогли выстроить едва ли не идеальное для бездельников общество.

Но Врата полностью изменили картину мира, открыв аборигенам глаза на одну неприглядную истину: это друг для друга они – уважаемые члены общества, а для хищников вроде эдемцев – просто легкая добыча. Неудивительно, что, осознав своё истинное место в пищевой цепочке, идиллийцы даже не стали

вертеть головами в поисках союзника, а сразу спрятались под крыло к гегемону космоса, Доминиону.

С одной стороны, это было разумно, вояки из идиллийцев не лучше, чем из дерьма пуля, но с другой – Рам, выросший в культуре воинов, презирал тех, кто даже не пытался защитить свой дом.

Вот и сейчас за этих болванов сражались и гибли другие. А сами туземцы наверняка наслаждались зрелищем, совсем как в 18-19 веках на Земле докосмической эпохи, когда праздная публика валила посмотреть на сражение двух армий. Упиваться видом чужих смертей и страданий, наслаждаясь напитками и закусками в полной безопасности.

– Грёбанный курорт, – зло выдохнул сидевший рядом с Рамом контрразведчик.

Грэм снял шлем и поднял «ресничку» броневой крышки, прикрывающей окно.

– Пасторальный пейзаж, прям как на чайном сервизе рисуют, – продолжил он, наблюдая, как голова колонны втягивается в город.

Ударные беспилотники, с такого расстояния похожие на мошкар, брызгами разлетались по сторонам, бдительно оберегая войска от возможных засад и нападений.

– Не хватает только мирно пасущихся овец и трахающих их пастухов, – Нэйв приподнялся, распахнул люк и сплюнул на дорогу.

– А с чего пастухи будут их трахать? – слегка обалдев от подобного описания, поинтересовался Рам.

– А кого им ещё трахать? – Люк негромко лязгнул, возвращаясь на место. – Только тех, кого пасут. Ну, или друг друга. Это Идиллия, не забыли? Тут все кругом трахаются, даже пастухи с овцами. Уродская планета, полная моральных уродов...

Выдохнув, он провёл руками в перчатках по голове и уже тише сказал:

– Извиняюсь. После высадки потряхивает, вот и сокращаюсь...

Костас понимающе кивнул, а Ракша с преувеличенным весельем, выдающим нервозность, сказала:

– Главная опасность впереди, капитан, сэр. Теперь мы – комендантский полк на секс-курорте. Будьте бдительны, иначе могут затрахать насмерть.

– Благодарю за предупреждение, лейтенант, – сухо отозвался Грэм, надевая шлем.

Рам переключился на приватный канал и сказал Ракше:

– Не нарывайся.

Та демонстративно отвернулась к окну, а Рам вывел данные о полученных городской инфраструктурой повреждениях.

Жители городка даже не подозревали, как им повезло, что Зелар не стал полем боя. Обманный манёвр с имитацией высадки десанта в различные населённые пункты планеты с космодромами, предпринятый союзовцами, удался полностью. Доминионцы в попытке ликвидировать вражеские плацдармы вынуждены были разделить войска, благодаря чему высадившиеся у Зелара союзовцы получили численное преимущество.

Командующий Доминиона, трезво оценив ситуацию, после короткого боя отвёл свои подразделения, дав Союзу фору. Но Рам не сомневался, что враг сейчас активно ведёт разведку и прорабатывает ответные действия.

В космосе победа безоговорочно осталась за Союзом. Эскадру, прикрывающую Зелар, разгромили за считанные часы. Та же участь постигла Врата и защищавшую их станцию. Союз всеми возможными средствами пытался затруднить доставку подкрепления силам Доминиона.

Разгромив врага, флот занялся устранением полученных повреждений и подготовкой к новому боевому вылету. Исход операции на Идиллии теперь

зависел от наземных сил. Мощное ПКО Доминиона не позволяло ударом с орбиты разбомбить вражеские позиции, и помощь от Флота заключалась только в прикрытии наземной группировки. Для этого на орбите оставались лёгкий авианосец «Лун» и две роботизированные ракетные платформы. А остальные корабли отправлялись выполнить свою главную в этой операции задачу.

В Союзе отлично понимали, что, стоит Доминиону отправить к Идиллии ударный флот, и планета будет потеряна. Да что Идиллия? Союз при таком раскладе мог лишиться собственных миров. Единственным решением, обещавшим если не победу, то мир на условиях Союза Первых, было тянуть время.

С помощью двух судов-«пробойников» флот колонистов должен был совершить рейд в пространство Доминиона и уничтожить как можно больше Врат, связывающих его с мирами Союза.

Без них переброска подкреплений из метрополии Доминиона затруднялась в разы. Корабли-«пробойники» имели куда меньшую пропускную способность, чем стационарные Врата. Вдобавок после каждого прыжка им требовались сутки, чтобы накопить энергию для открытия новой «кротовины».

По плану Генштаба Союза, за время, что враг потратит на сбор и переброску войск, в тылу Доминиона вспыхнут восстания на недавно завоёванных мирах. И противник, имея, по данным разведки Консорциума, довольно незначительные резервы, окажется перед выбором: продолжать войну с Союзом или заняться наведением порядка в собственных владениях.

Были в этом плане и существенные минусы. Без Врат время обмена сообщениями Идиллии с ближайшими мирами увеличилось до двух месяцев, и до возвращения флота Экспедиционный Корпус оставался без связи с остальным Союзом на полном самообеспечении.

Именно поэтому генерал Прокофьев на селекторном совещании с командирами подчинённых ему подразделений особенно отметил важность сохранения и своевременного устранения повреждений объектов инфраструктуры. Для высадившихся войск каждый такой объект был жизненно важен. По крайней мере, пока инженерные подразделения не развернут дублирующие системы.

И теперь сохранность городской инфраструктуры и раскинувшихся вокруг сельхозугодий стала непосредственной головной болью Рама. Причём уберечь требовалось и квалифицированный обслуживающий персонал из местных. Нет, конечно, людей можно было заменить роботами или привезёнными специалистами, но это всё означало трату времени и серьёзные материальные потери.

За окном машины показались улицы Зелара. Просторные светлые коттеджи, окружённые садами, казались выходцам из более суровых миров невероятной роскошью. Свежие фрукты, в изобилии растущие на деревьях, огромное озеро с пресной водой, чистый ароматный воздух... Казалось невероятным, что идиллийцы не собираются стоять насмерть за свой мир. Но аборигены с интересом разглядывали ползущую по улице колонну бронетехники, не делая попыток спрятаться или проявить агрессию.

Не раздалось ни единого выстрела, и даже жалкий камень не ударился о броню в знак протеста против вторжения. Наоборот, многие идиллийцы беспечно подходили к самому краю дороги, словно желали дотронуться до массивных туш боевых машин.

– Зажравшиеся придурки, – озвучил Костас общее мнение.

Но едва штабная машина приблизилась к аборигенам, как полковник ощутил непривычную для себя растерянность, густо смешанную с любопытством и теплотой, которой китежец не сумел подобрать определения.

– Что за?.. – завертела головой Ракша.

– Эмпатия, – Нэйв был единственным, кто остался спокоен. – Местные чувствуют нас и могут сделать так, что мы будем чувствовать их.

– Так это оно и есть? – несколько ошалело спросил Рам. – То, о чём говорили на инструктаже?

Нэйв кивнул.

– А если я не хочу, чтобы они лезли мне в голову? – голос Дёминой звучал зло.

– Они лезут не в голову, лейтенант, – поправил её Грэм. – Они лезут в душу. Не подпускайте их близко – это единственный вариант. И не забывайте про феромоны. С идиллиями легко можно остаться без штанов, личного оружия и репутации.

Он постучал пальцем по своему шлему, намекая на сенсоры брони, сигнализирующие о посторонних примесях в атмосфере.

Все, не сговариваясь, проверили герметичность шлемов и исправность работы фильтров.

– По мордасам бить – тоже плохой вариант, – заранее зарубил на корню излюбленный Даной вариант решения проблем Грэм. – Это как самому себе тумака вклепить. Я... был свидетелем того, как один-единственный эмпат своей болью вывел из строя отряд подготовленных наёмников.

– И каково это? – жадно поинтересовалась Ракша.

Она подалась вперёд, заинтересованная познаниями контрразведчика.

– Правда не понять где твоё, а где внушённое?

– Да, – коротко ответил Грэм. Подумал и добавил: – Я видел всего одно живое существо, сумевшее справиться с этим... поражающим фактором и продолжать действовать.

– И что это было?

– Репликант, – лаконично пояснил Нэйв.

Над головами просвистели турбины ударных вертолёт, и люди на улице дружно задрали головы, разглядывая хищные угловатые силуэты, кружащие в небе.

Дёмина явно хотела продолжить расспросы, но полковник Рам поднял руку и указал на трёхэтажное здание, украшенное флагом Доминиона.

– Прибыли, – сказал полковник.

Штабная машина подъехала к городской мэрии – прекрасному особняку из розового камня, окружённому великолепным садом. Правда, великолепие это было подпорчено тяжеловооружённым киборгом, раскорячившимся аккурат посреди клумбы с желтыми акадийскими лилиями. Перед зданием застыл бронетранспортёр, грозно уставивший стволы оружейного модуля вдоль улицы, а у входа расположился пулемётный расчёт.

Рам, выбравшись из машины, бросил на пулемётчиков короткий взгляд и поспешил внутрь.

В первое мгновение китежцу показалось, что он ошибся и вломился в музей, а не в муниципальное здание. Мраморная мозаика на полу была прекрасна даже на его дилетантский взгляд. Полковник на мгновение замер, не решаясь коснуться этой красоты ногами. Но кратковременное замешательство миновало, и китежец уверенно прошествовал к широкой лестнице, мельком оглядывая украшавшие стены картины.

Всё вокруг утопало в роскоши, заставлявшей привычного к суровой жизни воина презрительно кривить губы. Замени идиллийцы хоть десятую часть этого хлама системами защиты, он бы не вышагивал сейчас, не встречая сопротивления. Богатый беззащитный мир был подобен спелому сочному плоду – протяни руку и просто сорви.

Кабинет мэра Костас отыскал без труда. Там под прицелом киборга на мягком ковре с замысловатым орнаментом лежали трое: представительного вида идиллиец, идиллийка в светлом платье и, неожиданно, бейджинец. Но если у последнего вид был крайне испуганный, то местные мужчина и женщина смотрели на китежца с весёлой растерянностью. Будто подозревали, что стали объектами не слишком удачного дружеского розыгрыша. Вооружённую машину они явно не воспринимали как реальную угрозу жизни.

– Мы бы предложили вам прохладительные напитки, но в ваших киборгах отсутствует программа, отвечающая за хорошие манеры, – сообщила идиллийка таким тоном, будто возглавляла торжественную делегацию, а не лежала в классическом положении «мордой в пол».

– Кстати, – подхватил её сородич, – если вы пожелаете, наши специалисты с удовольствием установят в них дополнительное программное обеспечение. Совершенно бесплатно.

Бейджинец благоразумно молчал.

– Назовите себя, – Рам проигнорировал сюрреалистические комментарии идиллийцев. – Начнём с вас, мэм, потом продолжат господа. Итак?

Китежец, игнорируя кресла, уселся на угол стола.

– Арора Зара, – глядя на него всё с той же растерянной улыбкой, представилась идиллийка. – Мэр этого города.

Костас недоверчиво оглядел женщину. Красивое лицо, длинные, едва не до колен, тёмно-красные волосы, заплетённые в косу, приветливая улыбка... Меньше всего она напоминала кабинетного бюрократа. Скорее – его любовницу.

– Бокр Кох, заместитель мэра, – сообщил второй абориген.

– Проверить, – приказал Рам Нэйву.

Контрразведчик наклонился к включенному терминалу на столе.

– Верно, – сообщил он минуту спустя.

Рам хмыкнул. Ну надо же. На Идиллии даже мэра выбрали исходя из эстетических соображений.

– А вы кто? – обратился Рам к последнему.

– Мингли Да Линь, простой торговец, – поспешно, едва не перебив Костаса, выпалил бейджинец. Похоже, из всех присутствующих он один осознавал всю серьёзность положения.

– Полковник Костас Рам, Вооружённые силы Союза Первых, – в свою очередь, назвался Костас. – С этого момента – военный комендант города, в связи с чем принимаю ваши соболезнования и, в свою очередь, поздравляю вас с отставкой. Господин Линь, вы являетесь гражданином Союза?

– Да, – сглотнув, признался торговец.

– И каким образом оказались на территории Доминиона? – любопытствовал Рам, догадываясь, каким будет ответ.

Война войной, а кушать хочется всегда. Особенно на мирах вроде Бейджина и Гефеста, зависимых от импорта продовольствия. И далеко не весь ассортимент могли предоставить Акадия и Эдем.

– Закупал продукты питания, – подтвердил его догадку Да Линь. – Документы на столе леди-мэра.

– Эти? – Грэм взял с одного из столов планшет, украшенный гербом Бейджина.

– Да, – кивнул торговец. – Он не заблокирован, смотрите сами, господин офицер.

Нэйв хмыкнул и быстро просмотрел файлы.

– Так и есть, – по приватному каналу сказал он Костасу, протягивая планшет.

Рам тоже пролистал договоры и накладные, после чего отложил планшет и сказал:

– Приношу свои извинения за сорвавшуюся сделку. Хотя на самом деле контакты с врагом в военное время... – он сделал многозначительную паузу.

Серое лицо торговца мгновенно покрылось бисеринками пота.

– Но я понимаю причину, побудившую вас к подобным действиям, – дав воображению бейджинца разгуляться, рисуя самые изощрённые казни, продолжил полковник. – Поэтому ограничиваюсь предупреждением на будущее.

– Простите, но почему покупку пищи для своих людей вы считаете проступком? – спросила идиллийка. – И не могли бы мы беседовать сидя или хотя бы стоя? Совершенно неподходящее для разговора положение.

– Молчать! – прикрикнула на неё Ракша.

Рам, проигнорировав туземку, продолжил допрос:

– Где вы остановились?

– В деловом квартале, – не скрывая облегчения, выпалил Да Линь. – Гостиница «Дева озера».

– Оставьте точный адрес дежурному внизу и можете быть свободны, – махнул рукой Костас, одновременно через такблок подавая команду киборгу освободить задержанного.

Бейджинец не заставил себя ждать. Раму показалось, что серокожий ухитрился перейти на бег, ещё лежа на ковре.

– Теперь вы, – Костас переключился на идиллийцев.

Будь на его месте кто из корпоратов, судьба сотрудников администрации была бы решена. Рам хорошо знал методы работы Консорциума: истребить прежнее руководство, дабы лишить вероятных бунтовщиков лидеров. Будет бунт или нет – это корпоратов не волновало. Они действовали, исходя из соображений максимальной эффективности. На Китеже такой «подход» назывался «военным преступлением» и карался смертной казнью через обливание холодной водой на морозе. Но и вариант с организацией подполья тоже никогда не стоит сбрасывать со счетов.

– Мне нужны все пароли и ключи от систем управления городом, – Костас оглядел идиллийцев.

– Конечно, – не стала играть в героя леди-мэр. – Но будет сложновато заняться передачей дел лёжа.

– Вставайте, – разрешил Костас, отдавая через такблок команду киборгу. – Оба.

Массивная туша сместилась в сторону, и идиллийцы поднялись с лёгкостью, присущей скорее атлетам, нежели управленцам.

– Этого – вон, – скомандовал Костас, показывая на заместителя мэра. – Проваливайте домой, господин Кох.

Киборг вытолкнул идиллийца за дверь прежде, чем тот успел раскрыть рот для протеста.

Мэр проводила его взглядом и подошла к своему рабочему месту.

– Для передачи полномочий требуется подтверждение из столицы, – сообщила Зара, под бдительным оком Нэйва усаживаясь за служебный терминал. – Но практически все функции дублируются уровнем доступа заместителя.

Она приблизила глаз к сканеру и терминал ожил.

– Комендант, будьте любезны подойти, я внесу вас в систему.

– Мне нужны не «практически», а все функции, – не торопясь выполнять её просьбу, холодно заметил Рам.

– Это вне моей компетенции, – вздохнула Зара. – Должность мэра после выборов подтверждает королевский префект. Как только восстановится связь со столицей, я могу переговорить с ним о досрочной передаче полномочий.

Костас задумался о том, как определить искренность идиллийки, но на помощь неожиданно пришёл Нэйв.

– Госпожа Зара, – голос контрразведчика был сух и вежлив. – У меня к вам просьба. Откройте, пожалуйста, свои эмоции. И отвечайте на вопросы.

– Вы уверены? – с некоторым сомнением покосилась на вооружённых людей мэра.

Грэм коротко кивнул, и в следующую секунду союзовцы ощутили доброжелательное внимание идиллийки, густо замешанное на растерянности. Будто она не понимала, чем помочь странным посетителям.

– Благодарю, – Грэм кивнул. – Вы действительно не можете передать полный доступ?

– Нет, должность мэра утверждается из столицы, – Зара покачала головой, и тяжёлая коса змеей скользнула по её спине. – Но рабочий аккаунт заместителя отличается ограничением полномочий в очень узком круге вопросов. В основном они касаются бюджета и принятия ряда решений по назначениям на ключевые должности в службе спасения и администрации космопорта.

Рам не почувствовал фальши.

– Хорошо, – он слез со стола и, сдвинув на лоб визор шлема, наклонился к сканеру, давая возможность снять рисунок сетчатки.

Завершив процедуру, Костас уселся за терминал, вошёл в систему и осознал всю глубину поглотившей его задницы: на китежца обрушился водопад самых разных данных, с большей частью которых он сталкивался впервые.

«Справимся», – подумал Рам.

Вслух же он сказал:

– Благодарю. Ваше присутствие здесь больше не требуется.

– Но... – к растерянности мэра отчётливо примешался протест. – Вам требуется передать дела, обучить...

– Дела я принял, обучусь сам. Всего доброго, госпожа Зара, – и Рам указал уже бывшей леди-мэру на дверь.

– Вы не осознаёте, насколько ваше появление нарушило отлаженный порядок городской жизни, – к некоторому удивлению Костаса упрямо возразила мэр. – Вы не справитесь без нас!

– Мне помогут друзья: массовые расстрелы и геноцид, – мрачно отшутился Рам, хотя мысленно признал правоту идиллийки. – Ракша, будь любезна, вышвырни её отсюда. В дверь! – уточнил он, сообразив, что с Даны станется катапультировать чинушу в окно.

Не то чтобы Костаса беспокоило здоровье теперь уже бывшего мэра, просто не хотелось начинать первый день на должности с бессмысленного членовредительства.

– Шевели каблуками, – ухмыльнулась Ракша и едва не вытолкала растерянную идиллийку из кабинета.

Вскоре эмпатический контакт прекратился, и Костас облегчённо выдохнул.

– Как вообще к этому дерьму можно привыкнуть? – вслух спросил он.

– М? – Грэм, оторвавшись от изучения документов, вопросительно уставился на китежца.

– Эмпатия, – одним словом объяснил Рам.

– А чёрт знает, сэр, – пожал плечами Нэйв. – У меня времени не было привыкнуть, но те, кто сюда переехал, как-то справляются. Впрочем... Может, стоило всё же воспользоваться помощью местных сотрудников мэрии? Никого из нас не готовили к такой работе.

– Тех, кого готовили, до сих пор, наверное, от переборок отскребают, – криво ухмыльнулся Рам.

Комендантом он стал внезапно, после того, как выяснилось, что в результате атаки «Санта-Марии» погиб офицер, назначенный на эту должность изначально. Причём погиб вместе с замами. Костас, получив назначение, едва не схватился за голову: мало того, что от штаба полка остались рожки да ножки, так ему на шею ещё и вешают гирю в виде целого города.

Рам, как и любой китежец, привык выполнять работу качественно, без халтуры, и теперь соображал, как исхитриться и ошмётками своего штаба заткнуть все

образовавшиеся кадровые дыры. Управлять полком, управлять городом – и на всё это у него людей меньше, чем пальцев на руках у невнимательного токаря.

– Нахрен местных, – вслух сказал Костас. – Лучше самим попотеть, чем потом разгребать те пакости, что они у нас под носом наворотят, пока мы ушами хлопаем.

– Тоже верно, – не стал спорить с очевидным Грэм.

И вновь уткнулся в монитор.

– Надо найти место, где можно собрать народ, – Костас задумчиво постучал пальцем по столешнице.

– Зачем? – вскинулся Грэм, от удивления забыв даже добавить «сэр».

– Объясню новые правила, – туманно поведал Рам.

– Так есть же городская инфосеть, – Нэйв развернул монитор к командиру, показывая нужный пункт в меню.

– Спасибо, кэп, – с издёвкой отозвался Костас. – Не надо считать меня дуболомом, какими нас в комедиях изображают. Просто хочу посмотреть на контингент лично. Ощутить настроение толпы.

– Это рискованно, сэр, – заметил Грэм, активируя голопроектор.

Изучив карту города, капитан указал на место, показавшееся ему подходящим:

– Вот, сэр. Площадь Двух Лун. Вместительная, на ней довольно легко контролировать толпу.

– Объявляйте сбор... – Рам бросил взгляд на наручный хронометр, – ...через час.

– Есть, – Грэм послушно набрал нужный текст в системе городского оповещения.

Глава 4

Планета Идиллия. Город Зелар. Первый день оккупации

Командно-штабная машина неторопливо катила по улицам захваченного города. Только теперь, когда первоначальное напряжение покинуло Рама, он посмотрел на Зелар другими глазами: не выискивая затаившуюся опасность, а как обычный человек, попавший в новое место.

Первым, что отметил полковник, была ненавязчивая, но повсеместная роскошь. Тротуары вымощены разноцветной узорчатой брусчаткой вместо более дешёвых и практичных материалов, никаких безликих типовых построек – каждое здание явно создавалось по индивидуальному проекту. Многочисленные статуи, фонтаны и украшения, названий которых китежец не знал, уместней смотрелись бы в музее, а не на улице рядового города.

Рам разглядывал всё это со снисходительной брезгливостью человека, чуждого роскоши. Для него эта красота выглядела бессмысленной тратой ресурсов, которыми можно было распорядиться с большей пользой. Например, потратить на оборону.

Командно-штабная машина выехала на площадь, забитую народом. Помимо идиллийцев, собралось и немало инопланетников: туристов и тех, кто решил осесть на Идиллии, невзирая на сумасбродство её коренных обитателей.

А именно сумасбродами аборигены и выглядели. На выехавшую бронемашину идиллийцы смотрели без страха, с любопытством на молодых красивых лицах. Толпа выглядела собравшейся на праздник, в руках у многих Костас заметил бутылки и бокалы.

Особенно полковника поразило то, что аборигены приветственно махали руками оккупантам и улыбались, будто встретили дорогих друзей. Дамочки вовсю флиртовали с бойцами, обалдевшими от такого развития событий. На некоторых участках от оцепления осталось одно название: вместо шоковых дубинок и щитов в руках «отважных воинов Союза Первых» оказались местные красотки.

При всём при этом аборигены не воспользовались идеальными условиями для атаки. Они даже не делали попыток пересечь изрядно поплывшую линию оцепления.

«Выдеру всех», – мрачно решил Костас, разглядывая расслабившихся подчинённых.

В оцепление он отправил две роты бейджинцев, которые демонстрировали достаточно высокий уровень дисциплины. А теперь выяснилось, что этой самой дисциплины хватило до первой ладной женской попки.

«Удолбанцы», – раздражённо подумал Рам.

Он и сам не понимал, кто злит его больше: расслабившиеся на вражеской территории бейджинцы или местные, охотно «лёгшие» под завоевателей без намёка на сопротивление.

«Что за народ?» – презрение переполняло Костаса, и он едва сдержался, чтобы не сплюнуть.

В следующую секунду его машина словно пересекла незримую границу, и на Рама обрушился шквал совершенно не свойственных ему чувств: веселье и радостное предвкушение переполняли приятным щекочущим нетерпением, какое бывает перед интересным и долгожданным событием.

Столь же неуместное чувство теплоты, открытости и дружелюбия странно перемешивалось с сексуальным возбуждением, звавшим забыть к чертям всю эту никому не нужную чепуху с оккупацией и, наконец, как следует отдохнуть и развлечься.

Костас будто вернулся в прошлое, в полузабытые дни, когда был жизнерадостным пацанёнком, бегавшим с друзьями по улицам родного города. Когда отец по возвращении домой первым делом вёз маленькую, но дружную семью в парк развлечений. И Костас-мальчишка едва не подпрыгивал на заднем сиденье машины в ожидании чуда.

Следом нахлынули чувства из поры горячей юности, когда от поцелуя кругом шла голова и хотелось петь и плясать от счастья, а вид обнажённого женского тела вызывал неудержимое желание...

Неожиданный рывок вернул полковника в реальность. Тяжелая бронемашина резко развернулась, скрежеща гусеницами по брусчатке, и замерла.

Встряхнувшись, Костас огляделся. Эмпатическая атака накрыла всех: связист тряс головой, словно схлопотал хук в спарринге; водитель вцепился в штурвал так, будто от этого зависела его жизнь, а Ракша, сняв шлем, смотрела перед собой с застывшей на губах блудливой улыбкой и подёрнутыми поволокой глазами.

– Кого трахать собралась? – Рам щелкнул у неё перед носом пальцами.

Девушка вздрогнула и огляделась с таким видом, будто пыталась вспомнить, кто она и где находится.

– Никого, – вяло отозвалась Дана и надела шлем, прячась от глаз приёмного отца.

– Собрались! – рявкнул Костас, пытаясь злостью выжечь чуждое воздействие. – Водитель, отведи нас дальше от толпы. Как на инструктаже говорили? Десять-пятнадцать метров от эмпатов.

Штабная машина откатилась на указанное расстояние, но эмпатический контракт не исчез, хоть и изрядно ослаб. Губы Костаса изогнулись в злой усмешке: долбанные яйцеголовые из разведки не могут даже нормально проверить данные, которые вписывают в инструкции.

Полковник собрался было приказать отъехать ещё дальше, но передумал. Теперь он мог совладать с ослабленным воздействием, а ощущать настроение толпы – бесценно.

– Шлемы не снимать, – на всякий случай напомнил Рам, указывая на монитор, отображающий состояние атмосферы за бортом машины. – Не хватало ещё надышаться феромонами.

Водитель, конечно, включил систему защиты от ОМП[З - ОМП – оружие массового поражения. Общее определение для химического, биологического и ядерного оружия.], создающую избыточное давление в обитаемом отделении машины, но чёрт знает, как на деле это поможет от феромонов. Если даже с эмпатией хреновы умники не смогли толком определиться.

– Есть подключение к городской сети, – сообщил связист.

Полковник выбрался на броню и, выпрямившись во весь рост, заговорил:

– Я полковник Костас Рам, Вооружённые Силы Союза Первых. С этого дня исполняю обязанности коменданта города. Прежняя администрация уволена, поэтому по всем вопросам обращайтесь ко мне.

Многokrатно усиленный голос китежца разносился над площадью и метался эхом среди стен домов на примыкающих улицах. Костас знал, что сейчас его речь транслируется по всем городским информационным каналам, чтобы все жители Зелара были в курсе произошедших в их жизни изменений.

– В городе вводится военное положение, – сообщил он аборигенам.

Особых эмоций, кроме лёгкого недоумения, это не вызвало. Похоже, идиλλийцы просто не знали, что это такое.

– Установлен комендантский час, – развил мысль Костас. – После десяти вечера и до шести утра вам запрещено находиться на улице. Нарушившие этот приказ будут расстреляны.

И вновь его слова не вызвали страха. Местные явно не воспринимали слова коменданта всерьёз, и у Костаса зачесались руки продемонстрировать новые жёсткие правила жизни. Но повода никто не давал, а китежец был не из тех, кто наказывает невиновных. Жители захваченного города до этой минуты проявляли исключительную лояльность и, несмотря на презрение к ним коменданта, заслуживали поощрения, а не репрессий.

– Вы обязаны сдать всё имеющееся у вас оружие, – продолжал комендант. – Тот, кто не выполнит этот приказ, будет расстрелян. К солдатам Союза вам следует

обращаться «господин» или «сэр», вне зависимости от звания.

Идиллийцы смотрели на него с интересом, как на заезжую знаменитость, почтившую город приветственной речью.

– Все продуктовые склады города объявляются собственностью армии Союза, выдача хранящейся там пищи населению будет производиться централизованно. Подробности вам сообщат завтра по инфосети. Вопросы есть?

Рам оглядел слушателей и невольно поразился тому, что в толпе не было ни одного старика. Сплошь молодые или среднего возраста идиллийцы разглядывали полковника как диковинную зверушку. Или – что гораздо точнее – нового, и потому интересного, клоуна.

Детей в толпе тоже не было, и Костас решил, что их, как и стариков, оставили дома, в безопасности. Первый проблеск разума среди аборигенов.

– Запасы пищи и напитков в магазинах, ресторанах и увеселительных заведениях, – тут же раздался сильный, уверенный женский голос, – считаются продуктовыми складами и подлежат изъятию?

С некоторым удивлением Костас обнаружил, что вопрос озвучила уже знакомая ему дамочка, экс-мэр города.

– Нет, – отрицательно качнул головой полковник. – Под охрану берутся только продуктовые склады. Это предотвратит мародёрство и грабежи.

На лицах многих аборигенов возникло озадаченное выражение, будто они припоминали значение этих диковинных слов.

– А что насчёт коммерческих складов с подготовленными к продаже пищевыми товарами, сэр? – тоном, который больше подходил для делового совещания, чем для общения с оккупантами, продолжила уточнять бывшая леди-мэр.

– Под охрану берутся абсолютно все крупные склады, – Рама начала раздражать эта позёрка, явно работающая на публику.

«Политики, – мысленно фыркнул китежец. – Тунеядцы и пустобрёхи, думающие только о своём рейтинге. Что ей война, склады; главное – не упустить барыши».

Знали бы горожане, с какой лёгкостью их мэр передала в его руки управление городом.

На миг Костас испытал неуместное желание просветить жителей славного Зелара относительно недавнего поступка экс-главы города, но сдержался. Ещё не хватало разбираться с линчевателями.

– С этого момента все склады являются собственностью Союза. Понятно? И, чёрт вас всех подери, прекратите транслировать на меня свои эмоции! – раздражённо рявкнул он.

Атмосфера непринужденного веселья, царившая на площади, сбивала китежца с толку, заставляя контролировать каждое слово, каждый жест. Говоря откровенно, ему сейчас хотелось поменяться местами с бейджинцами из оцепления, на каждом из которых уже висели местные красотки.

Несмотря на прямой запрет, идиллийцы не оборвали эмпатический контакт. Требование Костаса лишь вызвало лёгкую волну удивления и снисходительного веселья.

Открытое неповиновение вызвало ярость полковника. Окончательно его добил сидевший на ступенях ближайшего дома идиллиец. Безмозглый абориген беспечно наигрывал на флейте, явно увлечённый этим занятием куда больше, чем речью нового коменданта.

Костас выругался и, выхватив из кобуры пистолет, выстрелил в воздух. Вторую пулю он всадил в опасной близости от ноги назойливого дударя.

– Следующей будет твоя башка, – рыкнул Рам. – Ну, до кого из вас, придурки, ещё не дошло, что шутки кончились?

Костас со злорадством ощутил шокированное состояние толпы.

«Начало доходить, – удовлетворённо подумал он, убирая оружие. – Может, они и не такие законченные дебилы, какими кажутся».

Он оглядел идиλλийцев, выискивая, на ком сорвать злость и раздражение. К его удивлению, доброволец отыскался. Точнее, отыскалась. Всё та же бывшая градоначальница Арора Зара, стоявшая в первом ряду, подала голос:

– Не все это умеют, сэр. Контролировать эмпатию.

– Значит, пришло время научиться, – не скрывая злости, отрубил Костас, которого экс-мэр уже начала порядком доставать. – Иначе поголовье ваших избирателей стремительно сократится. Я понятно объяснил?

И полковник красноречиво положил ладонь на кобуру.

– Мы организуем поголовное обучение, – к его удивлению, и не подумала затыкаться Зара. – Но вы должны понять, что это не мгновенный процесс. Наша физиология отличается от вашей, сэр.

– Мозги из черепа по иной траектории вылетают? – усмехнулся Рам. – Хорошо. Сколько времени надо для обучения?

– Индивидуально, – не улыбнулась шутке Зара. – От трёх месяцев до года.

– Даю три дня, – полковник для вящей доходчивости показал ей три пальца. – Кто не успеет – пусть сидит дома, пока не научится. Понятно?

– Конечно, – отозвалась экс-мэр. – Но это вызовет ряд сложностей, если в их число войдут работники городских служб.

По-хорошему, тут бы Раму задуматься о последствиях, но его уже порядком достали и зануда-мэр, и аборигены с их эмпатией.

– Незаменимых не бывает, – неосмотрительно заявил он. – Кадры – моя проблема. А если ещё раз забудете сказать «сэр» – я попрошу моих эдемских друзей вбить в вас уважительное обращение нейрохлыстом.

Тут Костас не шутил. Политиков всех мастей он истово ненавидел, и указать место в пищевой цепочке очередному потерявшему всякий страх трибунному оратору было для него одним из лучших развлечений. К тому же эта дамочка успела достать его до самых печёнок.

Увы, к разочарованию и удивлению полковника, назойливая экс-мэр и не думала отставать. На её красивом лице Рам неожиданно для себя увидел не страх, а спокойный интерес. Обычно власть предержащие иначе реагировали на прямые угрозы, но через мгновение китежец сообразил, что женщина, вероятней всего, не имела никакого опыта, связанного с насилием, а потому оставалась так спокойна.

– Простите, сэр, – раздражающе дружелюбно улыбнулась она. – Урожаи ферм, садов и теплиц подлежат изъятию?

– Да, они тоже подлежат изъятию, – Костас говорил, словно сплёвывал. – Вы удовлетворены?

– Не совсем, сэр, – последнее слово леди-мэр произнесла с тёплой иронией, граничившей с лёгкой дружеской издёвкой, какую позволяют себе хорошие приятели, а не находящиеся по ту сторону нескольких десятков стволов. – Если я сорву фрукт с дерева в своём саду, это будет считаться преступлением?

– Будет считаться преступлением, если вы сопрёте его со склада, – сдерживаясь, чтобы не сорваться, отозвался Костас. – Пока урожай не собран в ящики... или во что вы там его собираете? В общем, пока не прибудет наш представитель, не взвесит, не опишет и не заберёт. До этого – хоть в задницы друг другу пихайте, мне плевать. Понятно?

– Вполне, сэр, благодарю за разъяснения. Теперь что касается других вопросов, – продолжила испытывать судьбу идиллийка. – Коллекционное, спортивное и холодное оружие тоже требуется отдать вам, сэр?

– Всё, что стреляет, – внёс ясность Рам. – Хоть музейный мушкет докосмической эпохи.

«Нет, она точно напросится», – мрачно подумал Рам.

Занудство Зары напомнило ему таможенного чиновника на Новом Плимуте, заставившего китежца шесть раз заполнять одну и ту же форму на привезённое оружие и снаряжение. И каждый раз, когда Костас, пыхтя, справлялся с задачей, чинарик находил к чему придраться, и всё начиналось заново.

– Кто этого не сделает – будет расстрелян. Ещё вопросы?

– Безусловно, – будто не чувствуя скрытой угрозы в его голосе, продолжила Зара. – Требуется ли сдавать холодное оружие, сэр? Кухонные ножи? Роботов-садовников с секаторами и пилами?

– Это оставьте, – сквозь зубы процедил Костас, начиная подозревать, что над ним издеваются. – Сельскохозяйственный инвентарь – тоже. Ещё вопросы?

– Каким образом сдавать огнестрельное оружие, сэр? В какой срок? Если ко мне домой, к примеру, сейчас пожалуют ваши люди и увидят музейный мушкет, что случится? Вы заблокировали связь, – она помахала бесполезным теперь коммуникатором, – и просто позвонить для сообщения о хранящемся оружии у меня не получится. Явиться лично и сразу могут далеко не все, да и как отреагируют ваши люди на прохожего с оружием?

– Я вас понял, – перебил её Рам, подняв ладонь. – Проблемы со связью будут решены уже к утру, как только наши специалисты разберутся с вашим оборудованием и совместят с нашей сетью. До завтрашнего дня, во избежание эксцессов, оружие из дома не выносить. О порядке приёма придёт оповещение, как только заработает связь.

С каждым словом полковник буквально физически ощущал, как его заживо погребает огромная гора никчёмных мелких дел. Да уж, занятие, достойное офицера. Вершина карьеры – стать комендантом городишки, населённого бестолковыми потребленцами, и следить, чтобы их не вырезали в первый же день корпоратские ублюдки, по уровню развития поднявшиеся чуть выше австралопитеков. Прямо тема для сочинения «Как я отдохнул на Идиллии».

Невольно Рам в который уже раз задался вопросом: кто вообще додумался набрать в военную полицию, призванную следить за порядком, эдемцев и корпоратских штрафников? Что у одних, что у других напрочь отсутствовало такое понятие, как «воинские преступления». Изнасилования, мародёрство и

прочие «прелести» уголовники Консорциума воспринимали как личные привилегии, а эдемцы – как священное право победителя. При этом последние, будучи пуританами, ухитрялись сочетать всё это с фанатичной набожностью, отражавшейся даже в их официальных документах.

«Это же простор для падальщиков, а не город», – мрачно подумал Костас, разглядывая нарядную толпу.

Он помнил, с какой жадностью наёмники с Эдема грабили убогие лачуги акадийских рыбаков в прибрежной деревеньке, которой не повезло оказаться на землях мятежного барона. Эдемцы грызлись из-за каждой драной тряпки, из-за каждого найденного медяка, не гнушаясь поножовщиной. Что они устроят тут, дай им волю, – лучше не думать.

Рам сдержал тяжёлый вздох и продолжил:

– Если солдаты Союза попытаются забрать вашу собственность...

Тут он замялся, не зная, как правильно преподнести информацию. Подумав пару секунд, Костас решил не скрывать правды, надеясь, что предупреждённые аборигены смогут избежать неприятностей в общении с карателями.

– Не оказывайте сопротивления. Эдемцы и солдаты штрафных частей Консорциума на любую попытку сопротивления могут ответить агрессией. И не будут выбирать средств, пресекая её. Просто запомните их личные номера – они указаны на шлемах – и сообщите в комендатуру.

«И я, наконец, смогу спокойно перевешать этих тварей», – мысленно завершил речь Костас.

Рам замолчал, предоставив горожанам время переварить информацию.

Те реагировали по-разному: некоторые озадаченно переглядывались, кого-то больше интересовали совсем разомлевшие от эмпатического фона и женского интереса бейджинцы, ну а большинство по-прежнему улыбались с тем самым весёлым предвкушением в глазах, что полковник видел, едва въехав на площадь.

– Сэр, – вновь раздался голос Зары, решившей, видимо, всерьёз достать Костаса, – я могу переговорить с вами или с кем-то из уполномоченных лиц касательно некоторых важных аспектов жизни города? Есть объекты, остановка работы которых пагубна для всех горожан, и целый ряд вопросов, решение которых облегчит наше с вами... сотрудничество.

– Я сам переговорю, – сообщил Рам. – С начальниками этих самых объектов и переговорю. Сразу после того, как закончу распинаться перед вами.

В ответ на столь откровенное пренебрежение к своей персоне Зара одарила нового коменданта насмешливым взглядом, но наконец-то заткнулась.

– Ещё вопросы? – искренне обрадовавшись этой незначительной победе, поинтересовался Рам.

– Можно поехать с вами, сэр? – с обольстительной улыбкой и обескураживающей прямоотой спросила у него одна из идиллиек.

Она шагнула за уже практически несуществующую линию оцепления и жадно оглядела Костаса с головы до ног. Полковник по достоинству оценил её красоту. Дело было даже не во внешности, а в движениях грациозного и полного совершенно животной притягательности тела.

Рама нечасто баловали женским вниманием, а уж такие, словно сошедшие с обложки журнала, красавицы и подавно. Таких он видел только в фильмах или хрониках светских новостей.

Сказать, что Раму было неприятно её внимание, – значит соврать. Но, чёрт подери, он – офицер на службе, а не плейбой в загуле, чтобы прыгать в постель к первой поманившей пальчиком.

Хотя...

Костас с сожалением отвёл взгляд от роскошной идиллийки, со всей очевидностью жаждущей провести вечер в его компании.

Нет. Он комендант города, и это он будет выбирать, кого тащить в постель, а не наоборот. И не в служебное время.

– Нет, – отрубил Рам тоном, напрочь пресекающим любые попытки продолжить разговор. – Вопросы по существу будут?

Вопросов не последовало. Рам облегчённо вздохнул и нырнул в уютное нутро бронемашины, быстро захлопнув за собой люк, словно опасаясь, что озабоченные аборигены ринутся следом.

– Снять оцепление, пока их тут насмерть не затрахали, – приказал он под насмешливым взглядом Ракши.

Самому Раму было не до смеха. Если так себя вели относительно стойкие бейджинцы прямо при своём командире, лучше не думать, что будут делать патрули, удалившиеся от начальственного взора.

Костас припал губами к трубке гидратора, сделал жадный глоток и откинулся на спинку кресла. Ночь обещала быть долгой и тяжёлой.

Глава 5

Планета Идиллия. Город Зелар, комендатура. Первый день оккупации

По возвращении в мэрию, ставшую ныне комендатурой, Костас отправил Ракшу проверять блокпосты на въездах в город, а сам нога за ногу поплёлся в кабинет, мечтая о стакане крепкой выпивки. Эмпатия аборигенов выбила его из колеи, оставив ощущение чудовищной эмоциональной усталости, какая бывает после недельного загула.

Войдя в кабинет, Костас застал Нэйва, с помощью подчинённых устроившего по служебной линии видеоконференцию с теми самыми начальниками объектов и служб, о которых говорила Зара. На связи были коммунальщики, персонал электростанций, космопорта, ремонтных служб, медики, пожарные, спасатели – все, без кого немыслимо существование города.

Помимо них, Грэм связался с руководителями многочисленных складов, элеваторов и морозильников. Как-никак, Зелар был перевалочным пунктом, через который шёл экспорт сельхозпродукции, и генерал Прокофьев требовал полной сохранности этой инфраструктуры. Никто не собирался терять бесценную натуральную еду, которую после возобновления сообщения отправят в Союз. Политики хорошо знали людскую натуру, склонную прощать власти немало промахов за кусок послаще и подешевле.

Раму предстояло исхитриться и сохранить в целости как можно больше фермерских хозяйств, полей и обслуживающего их населения посреди начавшихся боевых действий. Сохранить и заставить работать без сбоев и перерывов.

Костас попытался было вникнуть в хитросплетение незнакомых терминов и структур, но не преуспел в этом деле. Он и в нормальном-то состоянии ни черта не смыслил в сельском хозяйстве, а после эмпатического контакта с толпой идиллийцев голова всё ещё шла кругом. Потому полковник не стал пресекать самоуправство контрразведчика, попытавшегося взять на себя эту часть работы.

Сам китежец подошёл к бару, внимательно изучил этикетки на бутылках и остановил выбор на местном бренди – единственном знакомом ему идиллийском напитке. Налив в рюмку янтарной жидкости, полковник залпом опрокинул её в рот.

Бренди ухнул в желудок, подарив приятное ощущение тепла.

– Как встреча с электоратом, сэр? – завершив разговор с идиллийцами, поинтересовался Грэм.

– Жопа, – кратко, но ёмко отозвался Рам.

Налив ещё, он уселся в кресло, сделал маленький глоток и уже подробней поделился впечатлениями.

– Такое ощущение, что местные в большинстве своём думают лишь о потрапушках. Причём норовят не откладывать дело в долгий ящик, а воплотить задуманное в реальность. А об остальном пусть у мэра голова болит. Чёрт, я ей

готов был личный гуманитарный коридор до самого Эсперо дать, чтобы она своему королю мозги полоскала, а не мне. До печёнок задрала. Устроила натуральное выступление перед избирателями, словно я её на грёбанные дебаты пригласил. Не удивлюсь, если она и при Союзе на тёплом месте пристроится.

– Политики, – хмыкнул Нэйв и отвернулся к вновь запищавшему терминалу. – Чёрт, вот кому опять не живётся спокойно? Да, слушаю!

Рам отхлебнул из рюмки и едва не поперхнулся от вопля Нэйва:

– Да чёрт подери, уважаемый! Я до этого момента и слова такого не знал, а вы спрашиваете, кто будет отвечать за хранение этой фиговины! Да мне чихать, что это фрукт! Сейчас... – Грэм забарабанил по клавиатуре – ... попросите связать вас с этим номером, вам ответит офицер, ответственный за этот склад. А я вам не кладовщик!

Нэйв с яростью врезал по терминалу, обрывая связь.

– Легче выявлять вражескую агентуру, чем понять, кто, где и как хранит свои грёбанные овощи и почему подходит именно этот склад, а не любой другой. А этот мы уже заполнили конфискованной продукцией и опечатали. И теперь нужно освободить места под хранение какой-то срани и отправлять излишки на другой склад. Который, не исключено, тоже скоро понадобится под какие-то особо редкие корнеплоды. Чёрт, я не для того на службу шёл, чтобы узнавать, как хранить грёбанные овощи...

– Фрукты, – поправил его Рам.

– Да какая разница, – отмахнулся Нэйв.

Он хотел добавить что-то ещё, но отвлёкся на бормотание наушника.

– Дайте изображение, – раздражённо потребовал капитан, включая голопроектор.

– Охренеть, – тихо выдохнул он секунду спустя, разглядывая голограмму крылатого зверя, похожего на гибрид земного волка с летучей мышью.

– О, – Рам тоже с любопытством уставился на животное. – Тиаматский степной летучий волк. Вон, шерсть рыжая.

Мало кто в Союзе и Доминионе не слышал о самом крупном летучем млекопитающем из известных человечеству. Первый местный вид, одомашненный колонистами. В период изоляции летучих волков, размах крыльев которых достигал пятнадцати метров, использовали в качестве воздушного транспорта. Взрослые особи могли перевозить груз до полутора центнеров, что серьёзно выручило тиаматских колонистов на этапе освоения планеты.

После установления контакта с Консорциумом и другими колониями летучие волки приобрели популярность среди любителей экзотической живности. Но летающее хищное животное такого размера требовало больших затрат и особых условий содержания, из-за чего даже не каждый зоопарк мог позволить себе такого питомца. Перед частниками вдобавок вставала проблема приручения и дрессировки: чем взрослее особь, тем сложнее она шла на контакт с человеком. Взрослые летучие волки не приручались вообще, видя в человеке лишь приятное дополнение к рациону.

У Костаса с летучими волками были связаны одни из самых приятных воспоминаний. Тринадцать лет назад, едва получив опеку над Ракшей, он подписал контракт с правительственными войсками Акадии, гонявшими по островам очередного взбунтовавшегося барона. Дану по ряду причин пришлось взять с собой, благо в контракте был соответствующий пункт, гарантирующий содержание семей наёмников. Правда, Костас резонно опасался, что деятельный характер приёмной дочери не даст ей спокойно усидеть в сонном акадийском захолустье и Дану потянет на приключения. Ладно, когда он рядом, но во время рейдов против партизан кто будет смотреть за девчонкой?

Решение проблемы пришло с неожиданной стороны: шевалье Д'Анкур, хозяин поместья, где расквартировали роту Рама, был фанатом летучих волков. Денег у этого аристократа куры не клевали, потому он отгрохал питомник на шесть особей и приступил к разведению крылатых хищников.

Дана, едва увидев величественных гигантов, была покорена. Рам и глазом не успел моргнуть, как его подопечная сдружилась с хозяйской дочерью и с её помощью проникла в святая святых Д'Анкура – питомник. Костаса едва удар не хватил, когда по возвращении из рейда он узрел Дану, под присмотром шевалье

вычёсывающую Гаргантюа – самого крупного из волков в питомнике.

Так что все четыре года, пока Рам пропадал в мангровых зарослях островов, Ракша пропадала в вольерах с летучими волками.

– Красавец, – восхищённо выдохнул Нэйв, любясь на изображение. – Никогда их вживую не видел.

– А на кой чёрт он вам, капитан? – поинтересовался Рам.

– Да патруль питомник с ними нашёл, – Грэм озадаченно почесал переносицу. – Дрессированные, верховые. Чёрт, что с ними делать? Как-то... жаль мочить. Они же не виноваты ни в чём.

– А мочить-то зачем? – опешил Костас от такой кровожадности.

– Можно для боевых действий использовать, – со вздохом пояснил Грэм. – Набери запас ручных гранат – и вперёд. Летит бесшумно...

– ...сбивается одним метким выстрелом, – перебил его Рам. – Я понимаю, что паранойя контрразведчика – самая здоровая паранойя в мире, но это уже перебор. Пусть себе и дальше живут. Просто запретите им полёты, раз уж так опасаетесь партизан.

Последние слова Костас произнёс с насмешкой: представить местных изнеженных трахарей в качестве партизан мог только законченный параноик.

– Ну и выставить там пост, чтобы следили, – добавил полковник. – Вот тот патруль, что их нашёл, и отряди в награду за труды. А утром их сменим, как с остальным разгребёмся.

Грэм облегчённо улыбнулся.

– Спасибо за подсказку, сэр, – сказал он и забубнил в микрофон указания старшему патруля.

Рам отвернулся к окну и залпом допил бренди. Первый день на должности коменданта города проходил совершенно не так, как он представлял перед высадкой.

Планета Идиллия. Военная база «Эсперо-1», штаб

Очередное совещание в командном бункере проходило в атмосфере сдержанного оптимизма. Да, отбить десант врага не удалось, но зато получилось минимизировать собственные потери и наладить разведку оккупированных территорий. К сожалению, ненадолго – противник быстро разворачивал прибывающие войска, расширяя плацдарм и укрепляя оборону. Но пока время есть – нужно использовать его по полной.

– Зелар и прилегающие населённые пункты захвачены, – докладывал начальник разведотдела. – Противник активно строит укрепления, проводит разведку местности. К сожалению, работа служб РЭБ у них поставлена отлично, поэтому связь с разведгруппами возможна только тогда, когда разведчики выходят за пределы действия «глушилок».

Он указал на карте области «мёртвых зон» для связи. Удручающе большие, с точки зрения присутствующих.

– Это несколько затормаживает получение и оперативную обработку информации, – продолжал докладывать офицер. – В самом городе, по нашим данным, спокойно, но надолго ли – неизвестно. По агентурным каналам удалось выяснить, что командующим оккупированных территорий назначен один из офицеров Консорциума, генерал Прокофьев. Он известен как эдакий «кризисный менеджер», способный в кратчайшие сроки восстановить работу зачищенного карателями района.

В отличие от открытых и искренних идиллийцев, их монарх обладал сдержанной мимикой.

– По-вашему, какие варианты вероятней всего? – спросил Дариус, осматривая голографическую карту местности, по которой расползалась алая клякса

захваченных врагом территорий.

– Сложно сейчас сказать точно, – разведчик задумчиво потёр подбородок. – То, что без нужды Прокофьев не станет разбрасываться таким ценным ресурсом, как уже подготовленные кадры из числа местного населения, – факт. Но его зам, отвечающий за комендантские подразделения, – полковник Филип Шеридан.

При этих словах командующий досадливо сморщился, но промолчал, давая подчинённому договорить.

– Бывший командир 55-й полицейской дивизией оперативного назначения, – пояснил разведчик специально для монарха. – «Оперативными» в Консорциуме называют карательные части. Шеридан руководил репликантами, приданными в своё время Консорциуму для испытаний. Методы Шеридана столь же эффективны, сколь и безжалостны. В целом это означает, что при необходимости Прокофьев спустит Шеридана с цепи. В разумных, с точки зрения самого Прокофьева, пределах. Любимую тактику Шеридана провести, надеюсь, не позволят, но гарантировать не могу – зависит от того, что Прокофьев сочтёт наиболее выгодным для работы.

– Любимую тактику? – в голосе короля звучали тревожные нотки.

– Тактику выжженной земли, – объяснил разведчик. – С поправкой на максимальную сохранность инфраструктуры. Сначала отряды репликантов лишают восставших командования и взламывают оборону. Сейчас эту задачу выполняют обычные спецподразделения Консорциума. За ними следуют ударные части карателей, ликвидирующие оставшиеся очаги сопротивления. Затем следует зачистка, в ходе которой всех выживших сгоняют в так называемые «фильтрационные пункты». Якобы для проверки на лояльность Консорциуму. Сами «фильтры», как их коротко называют, – попросту огороженные пустыри. Продовольствие туда завозят по минимуму и нерегулярно, предметы первой необходимости и медикаменты не доставляют вообще. Охрана из карателей творит что угодно и абсолютно безнаказанно. Смертность в этих «фильтрах» достигает восьмидесяти процентов.

Разведчик глотнул воды, смачивая пересохшее от долгого разговора горло и давая королю время переварить информацию. Тот какое-то время молчал.

– И что мы предпримем для спасения наших граждан? – наконец спросил Дариус.

– Всё, что мы можем, – выиграть войну. Иногда лучше пожертвовать малым, чем потерять всё, – ответил командующий. – Сейчас, пока отсутствует единая линия фронта, мы проводим заброску агентов на оккупированную территорию. Если это удастся – будем с их помощью удерживать за штаны особо рьяных желающих попартизанить. Таким образом сведём к минимуму риск карательных акций. Ну а желающих бороться с оккупантами перенаправим на сбор информации. Пустим их энергию, так сказать, в мирное русло.

– И много у нас агентов? – задумчиво окинул карту Зелара монарх.

– Мы как раз работаем над этим.

Город Эсперо. Гостиница в туристическом секторе

Близнецов Лорэй не оставляло гнетущее ощущение, что они снова застряли в западне. И хоть на этот раз западня была размером с планету, легче от этого не становилось. На Идиллию пришла война, и когда она докатится до столицы – лишь вопрос времени.

Увы, выбраться с планеты сёстрам не светило. Помимо прямого приказа полковника Хоара ждать распоряжений, Лорэй удерживала блокада планеты, отсутствие Врат и связи.

Свитари коротала время в голотире военной части, а Эйнджела сходила с ума от безделья. Процедуры по сведению шрамов завершились, и теперь о ранах напоминали лишь светлые полосы новой кожи. Несколько походов в солярий или на местный пляж уничтожат и эти следы.

Как бы хотелось Эйнджеле так же просто избавиться от болезненных воспоминаний...

Каждый выход за пределы гостиницы грозил встречей с репликантами и навязчивым вниманием собратьев-эмпатов, так что Эйнджела предпочла

затворничество. В поисках уединения она арендовала вирт-капсулу, дорогую игрушку развитых миров Доминиона, и часами пропадала в цифровой реальности, творя трёхмерные образы.

Она вновь рисовала Чимбика. Живого. Цифровую копию, к которой можно прикоснуться. Программы-имитаторы придавали её созданию подобие жизни, послушно повторяя заданные алгоритмы поведения, но, даже добившись поразительного сходства в мимике и жестах, Эйнджела видела перед собой лишь пустоту. Пустоту, облачённую в знакомое тело, как в броню.

Это не было Чимбиком. Это не было человеком. Возможно, обычные люди могли спутать виртуальность с реальностью, но для эмпата цифровой мир был лишь звенящей пустотой, лишённой души. Наверное, поэтому идиллийцы не были подвержены бичу многих развитых планет – виртуальной зависимости.

Но и в этой поддельной жизни была неоспоримая прелесть – Эйнджела не чувствовала чужих эмоций. Как бы ни работала технология виртуального погружения, чувства других людей не отражались в душе эмпата. Непривычно пустое, но оттого странно притягательное общение.

Вызов коммуникатора застал Эйнджелу за созданием имитации Тиаматских джунглей. За основу она взяла уже созданный дизайнером шаблон и теперь терпеливо меняла его на свой вкус, наполняя деталями.

Ей казалось, что именно такое место понравилось бы Чимбику.

– Добрый день, мисс Лорэй, – вежливо поздоровался собеседник. – Позвольте представиться: капитан Чопра, заместитель начальника разведки. Я знаю, что вы подчиняетесь непосредственно полковнику Хоару, но он убыл в штаб сектора, а у нас... довольно серьёзное положение. Поэтому я хотел бы встретиться с вами и вашей сестрой.

«Хотел бы встретиться», – мысленно отметила Эйнджела. Просьба, не приказ. Дань вежливости, или Хоар и впрямь устроил работу так, что они подчинялись только ему?

– Вас устроит виртуальная конференция? – уточнила Эйнджела, не горя желанием возвращаться в полный чужих чувств мир. – Я свяжусь с сестрой, она

подключится через вирт-очки.

– Встречаемся через десять минут, я установлю защищённый канал с вашим сегментом, – ответил капитан и отключился.

Из-за гигантского папоротника вышел репликант, похожий на тиаматского охотника. Он не делал попытки приблизиться, просто стоял и смотрел на Эйнджелу. Он никогда не подходил близко, чтобы ощущение пустоты, отсутствие даже намёка на живую душу не разрушило иллюзию. Ей нравилось видеть его иногда и представлять, что Чимбик обрёл свободу и живёт так, как мечтал. А прикосновение... Чёрт с ним. Мечту нельзя трогать руками.

Репликант вновь исчез в джунглях, а вскоре на каменистом холме, граничащем с опушкой, стояли трое. Виртуальные аватары Свитари и капитана Чопры без затей повторяли их внешний вид в реальности. Облачённый в броню разведчик казался уместным среди пейзажа мира смерти, а вот девушки в обычной гражданской одежде выглядели чуждыми этому месту.

Чопра огляделся, но мнение о месте встречи предпочёл оставить при себе.

– Итак, у нас к вам просьба, – с ходу перешёл к делу капитан. – Я знаю, что вы ещё не до конца прошли реабилитацию, потому не настаиваю. Но всё же попрошу понять всю серьёзность ситуации.

Он по очереди посмотрел в глаза обеим девушкам, словно виртуальные образы могли отображать реальные эмоции собеседников. Взгляд капитана чуть задержался на светлых пятнах, оставшихся от сведённых шрамов на лице Эйнджелы. Чопра явно сделал какие-то свои выводы, которые тоже остались при нём.

– Противник оккупировал весь округ Зелар, – продолжил он, неторопливо переведя взгляд на Свитари. – Мы начинаем разворачивать там агентурную сеть, но нам не хватает людей. Катастрофически. Поэтому я пришёл предложить вам поработать на оккупированных территориях. Задачу обрисую точнее в случае вашего согласия.

Чопра замолчал, ожидая ответа девушек. Между деревьев у подножия холма обозначилось движение, но капитан даже не моргнул глазом, зная, что к

защищённому каналу невозможно подключиться постороннему. Ну а личные фантазии автора виртуального леса Чопру занимали куда меньше, чем проблемы в реальности.

Сёстры недоверчиво переглянулись, а затем поражённо уставились на Чопру.

– Вы предлагаете нам добровольно отправиться в этот ад? – уточнила Свитари. – Вы представляете, что там будет твориться?

– Вот вы и нужны для того, чтобы ничего подобного не произошло, – терпеливо пояснил капитан. – Нужно свести к минимуму поводы для карательных акций.

– А им нужен повод? – удивилась Свитари. – Корпоратским уродам? Эдемцам? Они могут спалить целый квартал просто ради развлечения. Вы когда-нибудь видели, как кого-то сжигают живьём?

Взгляд Чопры был красноречивей слов. Видел, вполне возможно, что горел сам, а может, и жёг. Ри запоздало вспомнила, что в приютившей их с сестрой конторе ангелов не держат. Скорее – ручных демонов, спускаемых с поводка по мере необходимости. И Лорэй, если вдуматься, уже стали частью этой своры.

Мгновение миновало, и перед Лорэй вновь стоял дружелюбный и немного усталый человек. Маленькое напоминание о том, что не только сёстры умеют с лёгкостью менять личины.

– Там не только корпораты и эдемцы, – уточнил Чопра. – Они – лишь часть контингента войск Союза.

То, что он убеждал, а не приказывал, придавало Эйнджеле решимости.

– Нет, – отрезала она. – Лезть под пули – не наша работа. Пусть этим занимаются другие.

Свитари молча кивнула, полностью согласная с сестрой.

– Мисс, – предпринял очередную попытку Чопра. – Подумайте. Ведь Идиллия – ваш дом.

– У нас нет дома, – тихо ответила Эйнджела.

Глава 6

Планета Идиллия. Зелар, комендатура

Первая ночь в Зеларе осталась в памяти Нэйва как череда бесконечных звонков и решений проблем, с которыми капитан не то что никогда не сталкивался, а даже в страшном сне представить не мог.

Контрразведчика готовили к противостоянию агентам врага, партизанам и прочим подобным элементам, а не к работе, которой должны заниматься службы обеспечения тыла. Но как раз с тыловиками был напряг: ракетная атака на «Санта-Марию» унесла множество жизней штабных офицеров, в том числе и служб матобеспечения. Поэтому выжившим пришлось спешно осваивать новые специальности, чтобы работать «за себя и за того парня», как метко выразился Рам.

Когда, наконец, Грэм разделался со всеми делами, свалившимися на него за этот неимоверно длинный день, то обнаружил, что уже начало четвёртого утра, в кабинете – никого, а небо за окном начинает светлеть.

– Надо было сдать внутреннюю безопасности, – мрачно пробурчал Грэм. – Лежал бы сейчас на койке в камере, мирно готовился к принудительной социализации...

Вспомнив, что у него с позапрошлого уже утра во рту маковой росинки не было, Грэм выдвинул из-под стола коробку сухих пайков и принялся перебирать её содержимое. Достав пакет яичницы со шпинатом и банку кофе, капитан дёрнул язычки разогревающих элементов и, выждав необходимое время, приступил к еде.

– Господи, как это можно есть? – услышал он голос Рама.

Полковник стоял в дверях и разглядывал пакет в руках Грэма с выражением суеверного ужаса на лице. Нэйв, посчитав, что сейчас последует очередная идиотская шуточка про еду и гефестианцев, которыми он и так уже был сыт по горло, молча набил рот. Ибо с набитым ртом очень сложно хамить старшему по званию.

– Я после Академии на яичницу смотреть не могу, – продолжал Рам, подходя к своему столу. – Придурки из снабжения что-то там у себя намудрили и прислали нам только грёбаный «Рацион №3», где основным блюдом идёт как раз эта чёртова яичница со шпинатом. И мы полторы недели жрали её, пока по гребучим зарослям шарахались. Десять лет прошло, а я до сих пор не могу даже упаковку видеть.

Грэм молча жевал, думая о том, что на Гефесте очень многие с радостью бы согласились пожить те же полторы недели даже на пайковой яичнице со шпинатом. Вслух, разумеется, он ничего не сказал: не в тех ещё чинах, чтобы говорить полковнику «да вы зажрались», пусть и завуалировано. Для него самого до поступления в военное училище даже порошковая яичница считалась деликатесом.

– Хефе, у нас проблема, – раздался в наушнике голос дежурного.

Грэм закатил глаза: привычка тиаматцев называть «хефе» любого из своих начальников искоренению не поддавалась. Вот хоть в лоб им стучи, хоть по лбу.

В следующий миг все мысли об особенностях менталитета вылетели у Нэйва из головы, ибо дежурный продолжал:

– Местные патруль привезли... О, уже второй.

– Какой патруль?! – едва не заорал Грэм.

– Наш, – абсолютно пофигистично отозвался дежурный. – Все пьяны в слюни. О, третий везут...

– Твою мать, – выругался Грэм, отшвыривая пакет с едой.

– Что стряслось? – Рам уже стоял наготове, с автоматом в руках.

– Местные патруль наш привезли, – коротко отозвался Грэм, перепрыгивая стол. – Все в говно пьянучие....

Рам в ответ разразился сложносочинённой матерной тирадой, завершившейся только при выходе из здания.

На газоне рядом лежали слабо шевелящиеся тела, благоухающие свежим перегаром. Часть элементов брони отважные бойцы армии вторжения где-то потеряли, как и человеческий облик.

Рядом с анатомической свалкой стоял помдеж, занятый пересчётом снаряжения пьянчуг, а в сторонке группка идиллийцев – что характерно, тоже в элементах брони, – объяснялась с дежурным. Фамильяры тиаматцев – у дежурного и помдежа это были гигантские тиаматские ягуарунди, – бдительно следили за аборигенами, дабы разодрать их на лоскуты при малейшей угрозе хозяевам. Грэм, глядя на обманчиво ленивые движения громадных кошек, в который уже раз восхитился их красотой и грацией.

Вообще тиаматские фамильяры – генетически усовершенствованные животные, насмерть преданные своему хозяину, – являлись страстной мечтой всех любителей экзотических животных. Но тиаматцы никогда не продавали фамильяров инопланетникам. В их сложной для сторонних людей религии – ответвлении католицизма – души фамильяра и его хозяина были связаны между собой и с душой самой планеты. Поэтому продажа фамильяра на сторону приравнивалась к святотатству и каралась погружением в гнездо жуков-телоточцев.

– Это что за срань господня? – спросил Грэм, налюбовавшись ягуарунди.

В следующие пятнадцать минут вырисовалась совершенно сюрреалистическая картина.

Доблестные сыны Эдема и Бейджина, уже хапнувшие дозу местного гостеприимства в оцеплении, предсказуемо забили болт на свои обязанности и пустились во все тяжкие, стоило местным красоткам игриво подмигнуть и звякнуть стаканом о бутылку. Причём так, что через какое-то время тупо

перестали выходить на связь, допившись до положения риз.

А дальше началось невообразимое: жители оккупированного города, вместо того, чтобы нахрен вырезать удалбанцев и скрыться с их снаряжением и оружием, бережно погрузили пьяные тела вместе с их скарбом в машины и отвезли в комендатуру. А какие проблемы? Такблоки вместе с живыми носителями – вот, а уж завести броневик и поехать на нём не сможет разве что амиш. Патрули и посты не реагировали на машину, подающую нужные сигналы, и Грэм готов был провести ночь в благодарственных молитвах, что всё завершилось нелепым анекдотом, а не налётом на комендатуру.

В итоге у Грэма и Костаса ушёл час на то, чтобы разобраться в ситуации, вышелушить не шибко трезвых аборигенов из деталей брони, подаренных собутыльниками, объяснить, почему нельзя погладить фамильяров, выписать им пропуска для обратной дороги, найти транспорт и отправить восвояси. А самим остаться разглядывать пьяных идиотов.

– Расстрелять их к грёбаной матери, что ли? – задумчиво протянул Рам, глядя на встающее над домами солнце.

– У нас и так людей – раз-два и обчёлся, – безжалостно обломал его мечты Грэм. – Даже использовать в качестве одноразовых средств разминирования – и то не можем.

– И что прикажешь с ними делать? – осведомился полковник. – В коечку, а рядом рюмочку на опохмел?

– Никакого опохмела, – отозвался Грэм, отметив изменение стиля общения китежца.

Кажется, налаживаются нормальные отношения с командиром.

– Я бы предложил дожидаться, когда продерут глаза, а потом построить свободный личный состав и выпороть дебилов перед строем. И на «губу», суток на трое, – Грэм попинал по ноге счастливо улыбающегося во сне бейджинца.

Тот что-то забормотал на кантонском и перевернулся на бок, приняв позу эмбриона.

– Хватит и суток, – внёс коррективы Рам. – Нехер прохлаждаться, пока за них остальные службу тянут. Как отблюются с бодуна – так и дальше впахивать. Не забыть только засувенирить их в такие гребеня, куда даже самый долбанутый туземец не полезет. Дежурный! Раскидайте этот навоз по камерам! Как продерут глаза – сообщите!

– Хефе, так камер пока нет, – развёл руками дежурный.

– Так сделайте, лейтенант! – потеряв терпение, рявкнул Рам. – Или у меня должна обо всём голова болеть? Выполнять!

Развернувшись на каблуках, он в сопровождении контрразведчика промаршировал обратно на второй этаж.

В кабинете Нэйв грустно осмотрел остывший пакет.

«Зря я Рама от расстрела отговорил», – подумал он, жуя холодную яичницу.

Глоток холодного кофе только укрепил капитана в этом мнении. Никакого снисхождения к засранцам, из-за которых приходится давиться остывшим завтраком!

– Хорошо, что шваль корпоратскую по ВОПам[4 - ВОП – взводный опорный пункт, часто используется в качестве блокпоста.] раскидали, – зевнув, сказал Костас. – А то ночка прошла бы куда менее... идиллически.

– Воистину, – закивал Грэм, в красках представив, что устроили бы в городе каратели.

– «Центр» – «Сто второму», – неожиданно раздалось из наушника.

Не переставая жевать, Нэйв взглянул на таблицу позывных. «Сто второй» – патруль, нашедший летучих волков и оставленный их караулить. Что там могло случиться?

– «Центр», слушаю, – торопливо проглотив кусок, ответил Грэм, преисполнившись дурных предчувствий.

Воображение тут же нарисовало картину перебитых патрульных и нагруженных гранатами идиллийцев, верхом на волках улетающих в закат. Точнее, восход.

«Господи, какой же бред в башку с недосыпу приходит», – подумал Грэм.

– Тут господин Алис Тарн хочет с вами поговорить.

– Что за Алис Тарн? – удивился Грэм.

– Владелец питомника, – ответил старший патруля.

– И какого чёрта ему надо в такую рань? Ладно, давай его.

В наушнике раздался шорох, а затем мужской голос пробасил:

– Господин капитан, ваши солдаты не дают нашим волкам взлететь.

– Нашим – это чьим? – не понял Грэм.

– Моим и остальных владельцев, – терпеливо пояснил собеседник. – У меня в вольерах волки и других людей, понимаете?

– Понимаю. А вот зачем им летать – не понимаю совершенно, – моментально преисполнившись подозрений, ответил Грэм.

– О. Видите ли, летучим волкам для испражнения необходимо отлететь от логова на значительное расстояние, – в голосе Тарна проскользнули те самые нотки, что появляются у человека, оседлавшего любимого конька. – Этот инстинкт выработан в процессе эволюции, чтобы не выдавать местоположения логова. Они даже погадки детёнышей уносят из...

– Что за бред! – не выдержав, перебил его Нэйв. – Впервые слышу, чтобы кому-то требовалось взлететь, чтобы посрать. Даже чёртовы птицы – и те гадят, когда и

где приспичит. Не заливайте мне баки, уважаемый, мне и так забот хватает. Если у вашего питомца проблемы с животом – вызовите ветеринара, а меня больше не беспокоить! Всё, пока-пока!

И оборвал связь.

– Хрень, – зло буркнул Нэйв, зачерпывая из пакета.

Но аппетит пропал. Тон идиллия выдал знаток, и теперь Грэм отчётливо представлял летучего волка, с жалобным стоном завернувшегося в крылья.

– Что такое? – любопытствовал Рам.

– Да звонил хозяин питомника летучих волков, говорит – им, чтоб гадить, летать нужно, – ответил Грэм.

– Я что-то такое слышал, – Костас наморщил лоб. – погоди, сейчас у специалиста спросим.

Нацепив гарнитуру, полковник сказал:

– Дана, зайти. Нужна консультация.

Дёмина прибыла парой минут позже и с порога зло рявкнула:

– Если мне придётся ехать разыскивать ещё одного потерявшегося в чьей-то постели трахаря, я его на ближайшем столбе за беспокоящий орган и вздёрну!

Вид у неё был уставший, и Грэм понял, что бессонная ночь выпала не только на его долю.

– Летучие волки правда могут гадить только в полёте? – спросил Рам.

– Вам делать нехрен?! – взорвалась Дёмина и, опомнившись, добавила: – Сэр?

Покосившись на контрразведчика, который со всей очевидностью и был причиной уставного обращения, она сказала:

– Тиаматские волки – в отличие от нашего обожаемого личного состава – не гадят там, где живут.

– То есть они действительно гадят лишь в полёте, – уточнил Грэм. – Чёрт...

Он побарабанил пальцами по столу, пытаясь найти выход из ситуации.

– В городе нашлась компашка твоих крылатых друзей, – пояснил недоумевающей Ракше полковник. – Сейчас звонил их хозяин, просил пустить полетать и покакать.

– И в чём проблема? – не поняла Дана. – Пусть летят.

– А где гарантия, что вместо дерьма нам на головы не полетит что похуже? – осведомился Грэм. – Типа гранат?

– Гранаты? – переспросила Ракша со злой усмешкой. – После сегодняшнего? Да местные вырожденцы даже в дюпель пьяных кретинов пальцем тронуть не рискнули, куда им оседлать летучего волка и наносить удары? Я больше опасаюсь, что весь личный состав сшоркается в этом грёбаном оккупированном борделе!

– Мне бы вашу уверенность, – вздохнул Грэм.

– Одолжите запасные ошейники у тиаматцев, – посоветовала Дёмина. – У них есть с датчиками на самых разных тварей. Будем контролировать не только перемещения волков, но и сердцебиение, скорость и прочую биометрию. Если волк с наездником или грузом, его показатели изменятся.

– Отличная мысль! – вскинулся Грэм. – Сейчас свяжусь с этим Тарном, уточню, сколько у него волков в питомнике.

– Я могу отвезти ошейники и проконтролировать установку на всех волков, – предложила помощь Дёмина, и её усталое лицо при этом прояснилось.

Не нужно было обладать даром эмпатии, чтобы понять: работа с тиаматскими волками нравилась Ракше куда больше возни с пьяной солдатнёй.

Да и не только ей. Нэйвом овладело совершенно мальчишеское желание посмотреть на настоящих летучих волков вживую. В отличие от Эйнджелы Лорэй, капитан любил животных, но с его службой даже поход в зоопарк не представлялся возможным.

Грэм со злостью вспомнил Новый Плимут. Сколько всего он упустил, вынужденный изображать алкаша! И всё из-за кучки продажных засранцев. Нэйв от души пожелал, чтобы близняшки Лорэй отыгрались на сволочах и за него тоже.

– Лучше это сделаю я, – вслух сказал он. – Хочу посмотреть на их хозяев, провести инструктаж. Вы, лейтенант, отдыхайте, а то вижу, что ночка для вас выдалась та ещё.

– Да возьми её с собой, – прежде, чем Ракша успела открыть рот, вклинился полковник. – Ты ж этих волков в глаза не видел, а Дана про них знает больше, чем сами волки.

– Вы правы, – согласился Нэйв.

Действительно, с его познаниями о фауне Тиамат хорошо, если получится взрослого волка от волчонка отличить. А раз Дёмина такой знаток – будет, кому проконтролировать действия хозяев животных.

У ворот питомника броневик встретил скучающий солдат.

– Этот тип нас уже достал, сэр, – сообщил он, помогая Дане и Грэму выгружать ошейники, сделанные из ремней устрашающих размеров. – Мозги вынул своими зверюгами. Я как в передачу про дикий мир Тиамат попал.

– Ну, человек любит своё хобби, – ответил Грэм. – Пошли, покажешь дорогу.

Солдат провёл их через ухоженный садик и свернул за дом.

– Ох ты ж... – только и смог сказать Нэйв.

Прямо на него из-за решётки таращились льдисто-голубые глаза громадного зверя, резко контрастирующие с его охряного цвета шкурой. Вживую летучий волк выглядел куда внушительнее, чем на голокартинке.

Восхищённый капитан таращился на исполина, напрочь позабыв о цели приезда. Волк же, шумно выдохнув, принялся с грохотом скакать по клетке, ударяя мордой в крышу вольера и всем своим видом выражая нетерпение.

– Где хозяин? – включив внешние динамики, громко спросил Нэйв.

– Да тут! – слышался голос сержанта, командующего патрулём.

Двое патрульных выволокли и кинули под ноги Нэйву скованного одноразовыми наручниками идиллийца. Во рту аборигена торчал тряпичный кляп.

– И нахрена? – осведомился Грэм.

– Да затрахал своим нытьём, – отозвался сержант. – Ладно, когда просто про этих зверюг байки травил – хоть интересно было. А с утра как заело: им надо летать, чтобы срать. Задолбал этим своим сральником. Я его три раза предупредил, что, если не заткнётся – я ему сам пасть заткну. Да?

Он наклонился к идиллийцу. Тот ответил мрачным взглядом, в котором явственно читалось желание разнообразить рацион своих питомцев минимум одной конкретной личностью.

– Проблема сральника решена, – усмехнулся Грэм, и Ракша за его плечом демонстративно трянула ворохом ремней. – Развязывайте страдальца.

Один из солдат перекусил наручники кусачками и отошёл в сторону, предоставив идиллийцу самостоятельно вставать и избавляться от кляпа.

– Доброе утро, господин Тарн, – поприветствовал Грэм хозяина питомника. – С днём рождения.

И торжественно вручил ему ремни с датчиками. Тот, разминая челюсть, озадаченно уставился на ошейники.

– Вы хотите сказать, что запрещали волкам летать только потому, что на них не было ошейников? – удивлённо спросил идиллиец.

Холёный красавец в прыжковом костюме из «умной» ткани – хоть сейчас снимай в рекламе идиллийских курортов – сразу вызвал у капитана подсознательную неприязнь. Слишком уж напоминал ухоженных упырей, рассказывающих с экранов головизоров о новых политических курсах, беспроектных инвестиционных проектах и последних веяниях моды. Эти люди были Грэму странны, непонятны, а после расследования дела «Иллюзии» – априори неприятны и подозрительны.

– Да, я пользуюсь служебным положением, продвигая продукцию фирмы друга, – желчно отозвался Грэм. – Делаю его монополистом на вашем рынке. Ещё дурацкие вопросы будут, или займётесь делом?

Он показал на беснующегося в клетке волка. Идиллиец озадаченно моргнул, не поняв то ли слов капитана, то ли причины его неприязни, но продолжать разговор не стал. Просто набросил связку ошейников на руку и поспешно, явно опасаясь, что Нэйв передумает, пошёл к вольеру.

Едва дверь открылась, как мечущийся в нетерпении волк бросился на идиллийца, свалил того и прижал лапами к земле. Грэм рефлекторно схватился за автомат и лишь затем осознал, что лохматая зверюга не терзает, а радостно облизывает идиллийца. Тот с видимым усилием отпихнул морду волка в сторону и начал прилаживать ошейник.

– Можно? – Нэйв не заметил, как Ракша проскользнула в вольер и застыла на входе.

Волк подозрительно прижал уши и обнажил клыки при виде чужака.

– Спокойно, Рогалик, спокойно, – умиротворяюще проговорил Тарн и издал странный щёлкающий звук. – Это наши гости.

Грэм знал, что владельцы живности часто дают своим питомцам необычные клички. Например, карликового пинчера могли звать Убийцей. Но летучий волк по имени Рогалик... Нэйву даже стало интересно, чем руководствовался идиллиец, выбирая имя животному.

Волк, кажется, понял хозяина и успокоился, но следить за Ракшей не перестал. А та приблизилась на шаг и разразилась серией мурлыкающих и щёлкающих звуков. К удивлению капитана, волк, уже получивший свой ошейник, соизволил слезть с хозяина и подошёл к Дёминой, обнюхивая новую знакомую.

Та сняла перчатку и, к ещё большей растерянности Нэйва, положила руку на протянутую ладонь идиллийца.

– Чё вообще происходит? – услышал капитан вопрос патрульного.

– Да хрен его знает, – отозвался сержант.

Идиллиец тем временем поднёс сомкнутые ладони к морде зверя, а затем переместил ему на лоб. И когда Ракша начала чесать волка, Грэм мог поклясться, что у того на морде проступило блаженное выражение.

– Всё, малыш, можно лететь, – потрепал его по шее Тарн, и волк, радостно рыкнув, выскочил из вольера.

На глазах обалделого Грэма «малыш», размером чуть уступающий ударному беспилотнику, подпрыгнул, распахнул крылья и за считанные секунды исчез в утреннем небе.

– Абзац... – выдохнул один из патрульных, опуская автомат. – Чёрт, предупреждать надо! Я чуть не усрался, когда эта траханина из клетки сиганула!

– Заткнись, Крис, – оборвал его сержант, но по его голосу Грэм понял: этот Крис был не одинок в желании накидать в штаны.

Идиллиец взглянул на патрульных так, что Нэйв сразу понял: прыжок Рогалика был маленькой мстью за пережитое унижение. И, судя по всему, Тарн остался ей вполне доволен.

– Поможете с остальными? – обратился он к Ракше и тряхнул связкой ошейников. – Я познакомлю.

– Без проблем, – отозвалась Дёмина и пошла вслед за идиллийцем к следующему вольеру.

Вдвоём они за считанные минуты нацепили ошейники на остальных хищников и выпустили их полетать. Наблюдавший за действием Грэм признал, что Дёмина если не эксперт, то минимум знаток тиаматских волков.

Она ещё пару минут говорила о чём-то с Тарном, разглядывая голографическую карту окрестностей, затем кивнула и вернулась к броневику.

– Можем ехать, сэр, – сообщила Ракша Нэйву.

– Спасибо вам, – поблагодарил идиллиец с такой искренней улыбкой, что Грэм на миг позабыл о неприязни.

– Приезжайте в гости в любое время, – повернулся Тарн к Дёминой. – Вы понравились Рогалику.

– Возможно, – отозвалась Ракша.

Грэм, услышав это, проверил атмосферу на наличие феромонов, а броню Даны – на герметичность. Нет, всё в норме: броня задраена наглухо, а феромонами и не пахнет.

Затем Нэйв вспомнил, как загорелись глаза Даны при первом упоминании питомника, и понял, что Тарна ждёт разочарование: если Дёмина и приедет сюда, то к Рогалику, а не к его хозяину. А дай ей волю – вообще поселится в вольере.

– Буду ждать, – улыбнулся идиллиец.

Грэм подумал, что сейчас последует попытка поцеловать даме ручку, и уже нацелился измерить расстояние, на которое Дана катапультирует придурка. Но, к разочарованию капитана, Тарну оказался не чужд инстинкт самосохранения. То ли эмпатия помогла, то ли сказалось общение с патрульными. А жаль – Нэйв с удовольствием посмотрел бы на рожу этого хлыща после знакомства с маленьким, но злым кулаком Ракши.

– Кормовой пруд, – Дёмина сунула Нэйву планшет с голокартой. – Там волки ловят рыбу. Нужно оповестить личный состав, а то со страху перестреляют зверюшек.

Грэм молча кивнул, сделав зарубку в памяти обязательно выбраться на этот пруд и посмотреть, как рыбачат летучие волки. А сейчас его ждали куда менее увлекательные и приятные дела.

Глава 7

Планета Идиллия. Три километра от Зелара, штаб генерала Прокофьева

В кабинете штабного модуля было накурено так, что хоть топор вешай. Дым пластами кружил под потолком, но полковник Шеридан, просматривая рапорты подчинённых, продолжал смолить сигару за сигарой.

Текущая ситуация ему нравилась. На захваченных территориях тихо, за сутки – всего одна стычка с разведгруппой противника, обнаруженной патрулём. Долбаные репликаны, сообразив, что их засекли, подбили патрульный бронетранспортёр и удрали в лес. Патруль отделался контуженным водителем. По сравнению с тем, что могли натворить хреновы штамповки, – мелочь. Хотя, наверное, контуженный водитель этой точки зрения не разделял. Хуже то, что долбаные засранцы так просто не угомоняться – уж кто-кто, а Филип, покомандовав репликантами, прекрасно изучил их натуру. Упорные говнюки, хуже бойцовых псов, которые, если вцепятся, – не отпустят.

Шеридан сделал отметку удвоить число патрулей и перешёл к рапортам от сапёров.

Тут тоже радовали успехи. Вокруг Зелара установили минные поля и инженерные заграждения, оборудовали взводные опорные пункты и уже ведут строительство долговременных укреплений.

Полковник взглянул на карту захваченных территорий. ПВО ещё слабовато, много «мёртвых зон» – почти все силы зенитчиков брошены на прикрытие колонн техники. Доминионцы воспользуются этой слабостью, едва узнают. Значит, нужно прикрыть важные объекты от их атак. Но где его взять при ограниченных ресурсах?

Против любого другого противника Шеридан знал отличный способ, не раз выручавший корпората за долгую карьеру. Живой щит из гражданских останавливал любые атаки и в личном рейтинге полковника занимал почётное первое место по соотношению доступность-эффективность.

Но репликанты...

Теперь по другую линию фронта были те самые штамповки, которыми он, Шеридан, командовал ещё полгода назад. И тогда репликанты на мирняк обращали меньше внимания, чем на мусор под ногами. Хотя новорожденными обложи – всё равно долбанут. Но теперь ими командуют доминионцы, и есть шанс, что биороботы получили приказ не трогать гражданских.

Он с сомнением пожевал сигару и прикрыл глаза. В принципе, что он теряет? Объекты и так и эдак прикрыть больше нечем. В худшем случае пару десятков местных разбрасает по окрестностям. Так их, местных, ещё много, и выжившие, может, даже пересмотрят верноподданнические чувства к Доминиону, идущему к победе по их трупам.

Беспроектный вариант.

Шеридан ухмыльнулся и вызвал командира батальона охраны, состоящего из киборгов:

– Ларри, отправьте два взвода в город. Наберите в домах всякой шушеры – баб там, можно брюхатых, мелюзги, – и распределите у строящихся укреплений.

Майор, служивший с Шериданом не первый год, уточнил:

– Живой щит?

– Именно, старина.

– Принял, – майор оборвал связь.

Шеридан довольно улыбнулся и сделал глубокую затяжку. Главную на данный момент проблему он решил.

Планета Идиллия. Город Зелар, комендатура

Новый день – новые проблемы. Эту простую истину Рам усвоил давным-давно, в первый год службы. В этот раз проблемы шли одна за другой, бесконечным потоком, не дожидаясь нового дня.

Косяками перелётных птиц прибывали всё новые и новые вусмерть пьяные патрульные, выволоченные за шиворот из постелей новых подружек или домов новых друзей. Рам уже даже не выходил для обозрения очередной привезённой партии выпивох, приказав дежурному просто сгружать тела в подвал, спешно переоборудованный в гауптвахту для рядового и сержантского состава.

Радовало, что всякие инциденты с аборигенами ограничились пьянками и потерей снаряжения. Никаких нападений на солдат, обстрелов или засад. Всех проявлений агрессии – несколько инопланетных туристов, также набравшихся до полного изумления, сцепились с патрульными.

Рама такое положение дел радовало и настораживало одновременно. Весь опыт китежца говорил, что подобное миролюбие на войне невозможно. И если в первое время – тихо, то потом, когда враг опомнится, начнётся партизанщина. Так было на Акадии, так было на Эдеме, и Костас не видел причины, почему на

Идиллии должно быть иначе. Пацифизм пацифизмом, но даже среди таких записных непротивленцев злу насилием, как амиши, в своё время нашлось немало желающих взять в руки оружие. А на Идиллии осело много инопланетников, прекрасно знающих, с какой стороны приклад у автомата. Рам не сомневался, что в скором времени они найдут последователей среди аборигенов и примутся упоённо пакостить захватчикам.

Но шло время, а кроме сообщений о новой партии пьянчуг в форме Союза, ничего не происходило. И это нервировало. В довесок на Костаса свалились вопросы по хозяйственной деятельности города, которые до этого разгребал Нэйв, слинявший вместе с Даной к крылатым волкам. Костас уже после второго звонка понял, почему контрик с такой радостью ухватился за предлог свалить к чертям от этого дурдома. Склады, фрукты, овощи, рефрижераторы, элеваторы – всё это сплелось в клубок, постепенно заполняющий сознание китежца.

Апофеозом этого сельскохозяйственного абсурда стали пьяные птицы. Чёртовы пернатые наклевались забродивших ягод, которые владелец не успел доставить на склад, и пришли к выводу, что раз люди не дают отпор агрессору – это бремя ложится на птичьи плечи. И со всем пьяным пылом устроили партизанщину, нападая на патрульных солдат и гадя им на головы.

Костас поначалу от души веселился, слушая разъяренные вопли потерпевших, но после десятого или пятнадцатого доклада понял, что с пернатыми вояками надо что-то делать, иначе они обосрут весь личный состав. Пришлось обращаться к тиаматцам, у которых нашлись ультразвуковые отпугиватели. Птицы улетели, громогласно обещая вернуться и как следует наподдать наглым захватчикам.

Героически отбив птичью атаку, Рам вздохнул:

– Грёбаная планета. Даже птахи – и те здесь закладывают за воротник...

Вновь ожил наушник служебного комм.

– Полковник, с вами хочет поговорить некая Арора Зара, – сообщил дежурный. – Назойливая, хуже мухи. Раза три к чёрту посылал – не понимает. Ходит вокруг и зудит. Разрешите применить силу?

«Пристрели её!» – мысленно приказал Костас.

Увы, мечты мечтами, а в реальности докучливая чинуша пока ещё не заработала расстрел. Хоть и стремилась к этому всеми силами.

– Ладно, давай её сюда, – вслух сказал Рам, приготовившись выслушать очередной бред про фрукты, овощи и просроченный сенокос.

Одного взгляда на лицо экс-мэра хватило, чтобы понять – дело посерьёзней разорённого поля.

– Прикажите вашим киборгам отпустить людей! – едва ворвавшись в кабинет, потребовала Зара.

Терпеть подобный тон в свой адрес Костас не собирался и в мирное время. Сейчас же требование от побеждённого, да ещё и чиновника, разозлило ещё больше.

– Я же обещал массовые расстрелы – вот, выполняю, – процедил он.

Измученный бессонницей и сумасшедшей ночью мозг реагировал медленно, и Раму потребовалось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

«А когда я приказал гражданских задерживать и нахрена?» – озадачился Рам.

Не обращая внимания на разразившуюся гневной тирадой идиллийку, он вызвал файл с отданными за ночь приказами, решив, что в этой кутерьме попросту проморгал смысл подписанного текста. Нет, ничего подобного не было. Ни сапёры, ни тыловики запросов на набор рабочей силы не присылали. Что тогда происходит? Почему киборги задерживают гражданских?

Жестом велев идиллийке заткнуться, Рам вывел на монитор карту города с отметками своих подчинённых и сверил с графиком нарядов. Все на местах, выделенные в патрули киборги исправно движутся по указанным маршрутам. Никаких неучтённых действий. Чертовщина какая-то. Может, идиллика закинулась чем-то для снятия стресса и теперь выдаёт свои глюки?

Костас покосился на умолкшую Зару. Вроде не похоже, реакция нормальная. Или всё же вызвать медиков?

Для очистки совести Костас вывел на карту обозначения всех союзных единиц. И вот тут его брови поползли вверх: обнаружилось подразделение киборгов из батальона охраны штаба генерала Прокофьева, сопровождающих группу штатских к пятому ВОПу.

Через несколько минут выяснилось, что киборги действуют по приказу полковника Шеридана. Это привело Рама, и без того пребывающего не в самом лучезарном настроении, в состояние, близкое к бешенству. А узнав истинную цель Шеридана, Костас взбеленился окончательно.

Мало того, что корпорат влез без спроса в зону ответственности Костаса, так ещё и исподволь делал китежца соучастником преступления. Ибо то, что собрался сделать Шеридан, иначе как «военное преступление» в Союзе не трактовали. А на Китеже даже за косвенное соучастие в подобном бесчестье просто увольняли с позором, прогоняя сквозь строй[5 - Прогон сквозь строй (шпицрутены) – наказание, широко применявшееся в русской и европейских армиях в XVIII-XIX веках. Наказанного заставляли проходить сквозь строй солдат, которые прутьями или шомполами били его по спине.] бывших сослуживцев и лишая права ношения формы, что для профессиональных военных было хуже смерти.

Костасом овладело жгучее желание поехать и нахрен пристрелить сволочного корпората, до сих пор не въехавшего, что он уже не сраный каратель, а офицер армии Союза.

Рам сделал глубокий вдох, успокаиваясь. До Шеридана он доберётся потом, а сейчас нужно увести людей из-под вероятного удара.

– Я решу проблему, – сообщил он напряжённо смотрящей на него Заре.

Взяв шлем, Костас вышел из-за стола и остановился, вспомнив свой опыт общения с толпой аборигенов. Нужен тот, кто умеет управлять чёртовыми эмпадами.

Рам оглядел непривычно серьёзную идиллийку. По идее, будучи мэром, она должна была научиться руководить людьми. Уж она-то куда лучше Костаса знает и понимает своих соплеменников.

«Хоть какая-то польза от этой куклы», – подумал Костас.

– Поедете со мной, – бросил он Ароре, надевая шлем.

К его немалому облегчению, та не стала толкать речи, а коротко кивнула и последовала за ним.

В дежурке Рам столкнулся с вернувшейся Ракшей.

– Давай за руль, – скомандовал он, не дав девушке и рта раскрыть. – К пятому ВОПу.

Планета Идиллия. Зелар, пригород

Работа военных строителей Союза внушала уважение. К моменту, когда репликанты добрались до окраины Зелара, инженерно-строительные части оккупантов уже успели отрыть разветвлённую сеть окопов, оснащённую стандартными бронеколпаками ДОТов и автоматическими огневыми точками, раскинуть сеть минных полей и растянуть проволочные заграждения. И приступить к возведению полноценных взводных опорных пунктов, сеть которых превратит город в крепость.

Работали строители чётко, без единой заминки. Экскаватор отрывал котлован, специальная машина уплотняла почву, вбивала сваи, тут же из подъехавшей бетономешалки лился быстрозастывающий раствор и в готовый фундамент устанавливался модуль укрепления.

Наблюдающий за ними Чимбик наносил положение точки на карту такблока, зная, что уже следующим утром ничто здесь не будет указывать на присутствие вражеского укрепления. Всё тщательно замаскируют, так, что даже пройдишь кто случайный по крыше бункера – не догадается, что у него под ногами.

Солдаты противника тоже не расслаблялись. Из окопов без нужды никто не высовывался, лишь дроны да моторизованные патрули на бронемашинах сновали по окрестностям.

Но Чимбик знал, что прорехи во вражеской обороне, дающие репликантам возможность находиться в трёх сотнях метров от первой линии, просуществуют недолго. С каждым часом плотность патрулей и постов-«секретов» будет возрастать. Враг изучит территорию, раскинет сеть датчиков, заминирует наиболее вероятные пути подхода развед-диверсионных групп, оптимизирует маршрут патрулей, и даже репликантам придётся из шкуры вывернуться, чтобы проникнуть в город.

А значит, надо максимально затруднить противнику возведение укреплений.

– Сверчок, принимай, – скомандовал сержант, отправляя связисту данные со своего такблока.

Как и при высадке на «Иллюзию», разведчики использовали проводную связь.

– Принял, отправляю, – отозвался Сверчок.

Станция связи «выстрелила» сжатым пакетом информации, не поддающимся перехвату и пеленгации. После того, как враг уничтожил все спутники и высотные беспилотники связи Доминиона, до которых смог дотянуться, оставив от единой информационной сети жалкие ошметки, сообщение со штабом разведгруппы поддерживали только таким способом. Теперь информацию примет один из уцелевших высотных дронов в пространстве, контролируемом ПВО Доминиона, и переправит в штаб. А там уже примут решение, которое определит дальнейшие действия разведчиков.

Ответ пришёл быстро. Ожидать удара дронов-камикадзе, доложить о результатах.

Чимбик мысленно согласился с выбором средства атаки. Пока ПВО врага достаточно «рыхлое», летучие роботы эффективней ракет, пусть и несут меньший заряд взрывчатки. Они маневренны, их интеллект позволяет самостоятельно определять приоритетность целей, уклоняться от ПВО и

истребителей врага. Низкая – по сравнению с гиперзвуковыми ракетами – скорость дронов обеспечивает лучшую маневренность по горизонтали, что важно при штурме наземных целей. И главное – они способны атаковать малоразмерные движущиеся цели. Такие, как инженерно-строительная техника, потеря которой осложнит возведение укреплений.

Теперь разведчикам предстояло ждать около часа, пока дроны доберутся до Зелара. И то при условии, что те не отклонятся от маршрута, уворачиваясь от ПВО союзовцев.

– Садж, – окликнул его Блайз, когда ждать осталось уже немного. – Дворняги.

Чимбик повернулся к сектору наблюдения брата и увидел толпу штатских, идущих к ВОПу под конвоем киборгов. Сначала сержант решил, что их гонят на работы, но затем заметил в толпе множество женщин и детей.

Вспомнив методы «работы» Консорциума, сержант напрягся. Ничего хорошего появление гражданских не сулило.

Память услужливо подсунула разного рода «воспитательные мероприятия», с помощью которых Консорциум добивался подчинения бунтовщиков.

Показательный расстрел; закапывание живьём; «фильтрационный лагерь», в котором жёны и дети восставших рабочих умирали от голода – всё то, за чем ещё год назад Чимбик наблюдал с холодным равнодушием, воспринимая как нечто обыденное.

Насколько же простой и понятной была его жизнь тогда. И насколько пустой...

Киборги подогнали гражданских к возводимому укреплению и выстроили людей в цепь.

«Живой щит», – понял Чимбик.

Раньше подобное зрелище не вызывало у сержанта особых эмоций.

Человеческая плоть – слабое ограждение от пуль, куда эффективней бетонные блоки, дерево-земляные укрепления или обыкновенные мешки с песком.

Женщины и дети для Чимбика были всего лишь дворнягами разных социальных

групп, одинаково ничего не значащими для репликантов.

Когда всё успело так перемениться?

Глядя на идиллийцев, сержант видел не живые единицы, не досадную помеху, а людей. Таких же, как Эйнджела, Талика, Схема... Людей, ставших ему почти столь же близкими, как родное отделение. Людей, для которых он и его братья были чем-то большим, чем эффективная боевая единица, или ценный ресурс. Кемто большим.

А ещё Чимбик видел будущее, которое ждёт его близких, если Консорциум получит Идиллию. Если он и его братья не сумеют защитить планету.

– Теперь я осознал, почему нас учили использовать женщин и детей для воздействия на противника, – сипло признался Брауни.

Остальные репликанты согласно кивнули.

До прибытия на Идиллию в их образе мира попросту не было беззащитных близких. Только братья, функция которых – убивать и умирать.

Идиллия подарила искусственным солдатам возможность взглянуть на жизнь другой стороны. И теперь настала очередь репликантов посмотреть в глаза бездушным монстрам по ту сторону линии фронта.

– Что делаем, саж?

Глядя на «живой щит», сержант отчётливо вспомнил минус дронов-камикадзе: в отличие от продвинутого интеллекта ударного беспилотника, дрон не придаёт значения присутствию штатских. Робот-самоубийца должен быть максимально дешёвым, поэтому при его создании сэкономили на всём, в том числе и программном обеспечении. В конце-концов, есть оператор ведущей машины стаи, обученный реагировать на нештатные ситуации. Но при потере контакта с центром управления дроны действуют по заложенной программе. И сейчас, попав в зону действия «глушилок», они продолжают выполнять полученную задачу.

Надо предупредить штаб.

– Сообщи, что корпораты приготовили живой щит, – приказал Чимбик.

Сверчок склонился над станцией связи.

– Садж, – напряжённым голосом окликнул он Чимбика несколько секунд спустя. – Нет контакта. Мы в зоне действия «глушилок» врага.

Чимбик невольно чертыхнулся. Быстро работают, сволочи. Ну да, кто бы сомневался. И Союз, и корпораты прекрасно знают, с кем имеют дело, и сделают всё, чтобы максимально затруднить врагу жизнь.

В другое время Чимбик бы только посмеялся над этим, но сейчас... Сейчас он не мог оторвать взгляд от девочки, немногим старше Ника, беспечно играющей с блестящим синим звездолётом. Таким же, какой он выиграл для Динары на ярмарке в Эсперо.

Внутренности сержанта сворачивались в тугой, холодный ком.

– Пробуй другие каналы! – едва не заорал он на Сверчка.

– Делаю, садж!

Чимбик глубоко вдохнул, успокаиваясь. Войны выигрывает холодный рассудок.

Он, Чимбик, найдёт выход.

К киборгам, выстроившим идиллийцев вокруг возводимого опорного пункта, подбежал сапёр в характерном угловатом бронекостюме и начал яростно размахивать руками перед носом киборга-сержанта.

Репликант понадеялся, что дворняга возмущен наличием заложников, а не помехой работе.

Пока сапёр орал на киборга, к ВОПу подъехал лёгкий броневик, из которого вышли двое в броне и идиλλийка в гражданской одежде. Военные – явно начальники – тут же взяли в оборот киборга-сержанта и командира пехоты, а идиλλийка принялась созывать сограждан, явно намереваясь увести их прочь.

«Быстрее», – мысленно торопил её сержант.

Время утекало. До подлёта дронов оставались считанные минуты, а толпа штатских так и не покинула опасную зону, две стороны которой огораживала «колючка» периметра, третью – окопы и недостроенные укрепления ВОПа, а с четвёртой сгрудилась инженерная техника.

Роботы, узрев помеху в виде живого щита, остановились кто где, из-за чего гражданским теперь приходилось протискиваться в узкие щели между бронированных туш. Дети приняли это за весёлую игру и со звонким смехом пробирались между необычными препятствиями.

Медленно. Слишком медленно.

Командир сапёров и подъехавшие офицеры попытались устранить затор, но огромные машины едва могли маневрировать в узком пространстве.

Идеальная мишень для дронов-камикадзе. Чимбик даже не сомневался, что именно в этот затор они и долбанут. Несколько дронов атакуют автоматические установки ПВО, отвлекая на себя их внимание, а остальные кинутся на сгрудившуюся строительную технику.

Сержант со всей ясностью осознал, что за оставшееся до удара время людей увести не успеют. Выхода не было, следовало отменить удар.

– Что со связью? – спросил он.

– Ничего. Глушат все наши частоты, – мрачно отозвался Сверчок.

Значит, остаётся последнее – сигнал с земли, отменяющий атаку дронов. Понятное дело, что в штабе не придут в восторг, но сержанту было плевать на мнение командования. Сейчас его занимал куда более важный вопрос: как

незамеченным подползти впритык к строящимся укреплениям и кинуть фальшфейеры нужного цвета. Вопрос, выживет ли он сам после этого, Чимбика не волновал.

– По моей команде выбивайте киборгов, – скомандовал сержант.

– Ты что задумал? – вскинулся Блайз.

– Отменяю удар, – откликнулся Чимбик и отсоединил провод.

Тяжелее всего было ползти медленно, не создавая лишней вибрации. Интеллектуальные самоходные мины, затаившиеся в густой траве слева от сержанта, реагировали на колебания почвы, создаваемые человеком. Неважно, как он двигается – ползком, шагом, бегом, – мина всё равно среагирует. Установленные на броне репликанта демпферы искажали производимые им колебания, но всё равно перемещаться приходилось медленно и плавно, тратя бесценное время.

Наконец сержант выбрался на дорогу. Теперь угроза со стороны мин ослабла, но взамен появился риск преждевременного обнаружения сидящими в окопе солдатами. К счастью, все они таращились на неожиданный спектакль с участием идиллийцев и инженерной техники, но репликант не расслаблялся.

Медленными, плавными движениями Чимбик подползал к цели. Когда до линии укреплений оставалось меньше двухсот метров, сенсоры шлема уловили слабый, но с каждым мгновением усиливающийся свист двигателей дронов-камикадзе.

К чёрту осторожность!

– Огонь! – скомандовал отделению Чимбик и, вскочив, помчался к цели.

Отключив фототропный камуфляж, репликант активировал инфракрасные опознавательные маячки на шлеме и наплечниках, давая дронам возможность визуально опознать союзную единицу.

За его спиной кустарник взорвался шквалом огня. Хлопнул подствольник, посылая дымовую гранату на фланг вражеских позиций. Чимбик мчался, видя,

как очереди выкашивают киборгов. Как суетятся в окопе вражеские солдаты, которым толпа штатских намертво перекрыла сектор обстрела. Как обманчиво неторопливо шевелится в поисках цели пулемётный ствол автоматической огневой точки.

А позади нарастал свист турбин, словно предвестник смерти.

Чимбик развернулся, дёрнул чеки и вскинул полыхнувшие зелёным пламенем фальшфейеры над головой. Но выскочивший из-за вершин деревьев треугольный силуэт дрона уже пикировал на цель.

Глава 8

Планета Идиллия. Город Зелар, северная окраина, ВОП №5

Рам выпрыгнул из машины, не дожидаясь полной остановки, и с ходу налетел на командира сапёров.

– Что здесь происходит, капитан? – заорал он.

– Херня! – рявкнул в ответ сапёр. – Этот ответ вас устроит? Сэр.

Пока Рам вспоминал пункт устава, разрешающий хамить старшим по званию, сапёр продолжил:

– Этот корпоративский угрёбок мало что подставляет мою сраку под трибунал за использование заложников, так ещё и срывает сроки строительства!

– Так хера стоите? Гоните мирняк отсюда!

– А я, ять, что делаю? – тиаматской ягуарунди взревел сапёр. – А эта, ять, стоеросина... – он ткнул в киборга-сержанта, – ...гудит, что у меня недостаточный уровень для отмены приказа, и тычет мне в рожу, ять, своими

пукалками! Вызываю штаб – все на совещании, хрен кого поймаешь.

Рам огляделся. Пехотинцы в окопах – корпоратские штрафники – в открытую наслаждались бесплатным представлением, забив болт на наблюдение за лесом. Сделав зарубку накрутить потом хвост их командиру, Костас сказал уже гораздо более спокойным тоном:

– Я решу эту проблему, капитан.

– Спасибо, сэр, – сапёр отошёл в сторону и, открыв забрало, закурил.

Рам, с завистью на него покосившись, подошёл к сержанту-киборгу:

– Сержант, я забираю штатских.

Возникла пауза, в ходе которой киборг выяснял положение Костаса в командной иерархии. Убедившись, что комендант города в зоне своей ответственности имеет право на подобные приказы, киборг прогудел:

– Есть, сэр.

И отошёл в сторону, вскинув оружейный модуль в походное положение. Его подчинённые повторили движение командира, застыв высокотехнологичными столбами.

Рам вернулся к броневику.

– Гоните всех отсюда нахрен, – скомандовал он идиллийке.

К молчаливой радости коменданта, та обошлась без вопросов и речей, а просто выскочила из машины и на удивление резво для бюрократа побежала к растерянным согражданам.

В этот момент Рам понял, что за ним наблюдает враг.

У всех, кто был и выжил на войне, развивается шестое чувство, помогающее уловить приближение опасности. И Костас не был исключением из правил. Сейчас его «чуйка», как называли такое чувство на Китеже, буквально вопила о том, что надо как можно скорее убираться из этого места.

Рам огляделся. Лесная опушка миролюбиво помахала ему ветками, но полковник был уверен: где-то тут, совсем недалеко, засел враг. Костас шкурой чувствовал направленный на него недобрый взгляд. Есть, есть тут кто-то, замаскировавшийся и наблюдающий за союзовцами.

«Надо в темпе сваливать», – решил Рам. А лес обязательно прочесать пехотой – в этих долбанных зарослях летающие дроны абсолютно не эффективны.

Как назло, все старания Зары побыстрее увести соплеменников угробил затор из сгрудившейся инженерной техники. Протискиваться между корпусами могли по одному, максимум по двое, что не способствовало высоким темпам движения. Идиллийцы сообразили пустить вперёд детей, но мелкота тут же устроила из этого состязание «кто первый прошмыгнёт». В результате, пробравшись через затор, они оставались неподалёку, болея за товарищей и обсуждая «чистоту» прохождения через препятствия.

Несколько ребятишек и вовсе отказались отходить от родителей. Напуганные происходящим, они сидели на руках у взрослых, а те что-то успокаивающе им говорили. Стояли они при этом достаточно далеко от основной группы, очевидно, чтобы страх не передался другим детям.

Глядя, как молодой идиллиец кружит на руках шестилетнюю дочку, прижимающую к себе игрушечный космолёт, Костас задумался, что в его жизни пошло не так. Почему он, китежец, оказался по одну сторону фронта с тварями, которые способны устроить живой щит из гражданских? Из детей. Как так вышло, что борьба колониальных миров за свою свободу вдруг вылилась в захватническую операцию совместно с бывшими доминионскими корпорациями?

Пара взрослых идиллийцев наконец-то сумели увлечь детей новым соревнованием – бегом наперегонки к «вон той машине». Когда малышня со смехом и гиканьем пронеслась мимо коменданта, тот испытал нечто невероятное. Давно забытое, но такое яркое и настоящее чувство... Имени ему Костас не знал. Всепоглощающее счастье, азарт, ощущение собственной

всесильности и, одновременно, полной защищённости. И нечто неназываемое, что заставляет смотреть на мир полным восторгом взглядом.

Тряхнув головой, китежец попятился, намереваясь прекратить эмпатический контакт и одновременно не желая терять это потрясающее ощущение детства. Но стоило Раму избавиться от наваждения, как к нему вернулось дурное предчувствие.

– Капитан, отгоните технику! – приказал он сапёру.

– Прямо по толпе? – скаречно осведомился тот, подкуривая новую сигарету от предыдущей.

Костас чертыхнулся и обратился к Заре:

– Прикажите своим людям отойти к линии окопов, чтобы не мешали движению техники.

И вновь покосился на безмолвную опушку леса. Нет, там точно сидит вражеский соглядатай. Успел гад нанести удар до того, как врубили сеть «глушилок», или нет? В том, что доминионцев не остановит вид гражданских, Рам не сомневался. После уничтожения Дорсая никто не мог убедить Костаса в гуманности имперских палачей.

Внезапно заросли кустарника в трёхстах метрах от ВОПа взорвались огнём. Голова киборга-сержанта разлетелась, получив крупнокалиберную пулю, заляпав платье леди-мэра ошмётками мозгов и брызгами крови.

Рам ухватил Арору за плечо и швырнул в недоделанный окоп для танка. В следующий миг полковник увидел репликанта. Тот словно выпрыгнул из пустоты, как-то разом появившись на только что совершенно пустом шоссе, и кометой нёсся к шлагбауму. В том, что это именно репликант, Рам не сомневался ни секунды: человек с такой скоростью бежать не может. Мелькнула мысль, что нелюдь сам себе подписал смертный приговор, вот так подставившись под огонь нескольких десятков стволов. Мелькнула – и тут же пропала: мозг полковника сопоставил нарастающий из-за леса тихий свист с тем, что репликант держал в руках.

– Все в укрытие! – во всю глотку заорал Рам, прыгая в окоп, прямо на успевшую раньше него Ракшу.

И небо рухнуло на землю...

За несколько секунд Костас испытал больше, чем за все годы службы. В спину китежца вонзилось что-то острое, руку ожгла резкая невыносимая боль, удар в голову едва не выбил сознание... А затем Костас умер.

Вслед за смертью ему довелось сгореть заживо, умереть ещё раз и потерять обе ноги. Лёжа в яме, щедро присыпанный землёй вперемешку с камнями и осколками, Костас одновременно выл от боли в распоротом брюхе, захлёбывался от идущей горлом крови, трясся от невыразимого ужаса, окаменел от шока и где-то среди этого хаоса оставался собой.

Где-то на границе сознания билось понимание, что эти чувства – не его. Это – чужая боль. Боль тех, кто действительно пережил всё это. Но разуму сложно взять верх над такими яркими чувствами.

Сработал автодоктор брони: не обнаружив физических повреждений, он определил состояние Костаса как шоковое и вколол дозу стимуляторов. Голова полковника немного прояснилась, и он усилием воли сосредоточился на собственных ощущениях.

Мысли путались, но Рам всё же осознал, что засыпан землёй. На миг им овладела паника – Костас не мог сориентироваться в пространстве. Собравшись, китежец взглянул на такблок и понял, что лежит лицом вниз, под ссыпавшимся на него бруствером.

Выбравшись на свет, Костас первым делом отыскал на такблоке отметку Ракши. Её значок горел успокаивающим зелёным цветом, сигнализируя, что девушка в полном порядке. Костас облегчённо выдохнул и сдержал желание вытащить Дану из-под земли. Броня не даст задохнуться, а с остальным дочь должна научиться справляться сама.

Вместо этого Рам посмотрел под ноги в поисках идиллийки. Из кучи земли торчал край платья леди-мэра, разделившей с китежцем участь заживо похороненных. Только у неё, в отличие от китежцев, не было брони с системой

жизнеобеспечения.

Костас погрузил руки в рыхлую землю и выдернул идиллийку из несостоявшейся могилы в мир живых. К счастью, Зара потеряла сознание. Вряд ли воспоминание о прижизненном погребении стало бы самым счастливым в её жизни.

Убедившись, что идиллийка дышит и не ранена, Костас осторожно высунулся из окопа.

И его глазам предстал ад.

Китежец со всей ясностью осознал, почему на Идиллии нет войн. Дело было даже не в изуродованных и обожжённых телах, совсем недавно бывших красивыми, молодыми и полными жизни людьми, – такого Костас успел навидаться и достаточно очерстветь. Дело было в выживших.

Те из идиллийцев, кто каким-то чудом остался невредим или отделался лёгкими ранениями, орали во весь голос и катались по земле от боли, что невольно транслировали их искалеченные соплеменники. Им вторили солдаты в окопах, попавшие в зону эмпатического удара. Один из штрафников, с воем вскинувшись над бруствером, приставил к подбородку дуло автомата и нажал на спуск, избавляясь от нахлынувшего на него безумия.

Костас с трудом вытянул своё ставшее вдруг непослушным тело из окопа. И... наткнулся взглядом на репликанта.

Нелюдь стоял на коленях, словно молясь неведомым богам. Вот он повернул голову, и Рам, несмотря на разделяющее их расстояние и два забрала, понял, что они оба испытывают одно и то же чувство – ужас от свершившегося.

Репликант не пытался укрыться, не активировал маскировку, но в него никто не стрелял – хватало иных забот.

Хлопнул подствольник, и окопы заволочло дымовой завесой, но Костас успел увидеть, как к репликанту подбегает его собрат и, ухватив за лямки ранца, утягивает с дороги.

Рам моргнул на пиктограмму связи и, с трудом проталкивая слова сквозь пересохшее горло, просипел:

– Медиков на пятый ВОП. Привлеките местных... – он оглядел побоище и добавил:

– Не менее десяти бригад.

Армейские медики прибыли одновременно с идиллийскими экстренными службами, но оказались совершенно не готовы к тому, что их ожидало. Привычно бросившись на помощь пострадавшим, они сами присоединились к ним, разделив агонию идиллийцев. Костас послал киборгов вытащить недееспособных медиков за пределы эмпатического удара и задумался о том, как местные вообще справляются с чем-то подобным.

Ответ буквально прошагал мимо. Больше всего робот напоминал приземистого паука: благодаря гибким многосуставчатым «ногам» устройство пробралось через завал и зависло над истекающим кровью из оторванной руки идиллийцем. Заработали манипуляторы поменьше, заливая культю синтеплотью и вкалывая коктейль лекарств. Скоро раненый прекратил кричать и уснул, а в «брюхе» механизма открылся отсек, куда робот осторожно переместил несчастного.

Подобные устройства расползались по ещё дымящейся земле, и постепенно крики стихали. В открытом кузове грузовика экстренной службы Костас заметил отсеки, из которых операторы управляли мобильными медицинскими платформами.

С каждой минутой работы медиков Костасу становилось легче. Идиллийцы, одного за другим, забирали своих раненых, и вскоре к работе присоединились пришедшие в себя медики Союза.

Когда всех тяжелораненых отправили в больницы, а остальных переместили из пострадавшей зоны, идиллийские спасатели начали прочёсывать территорию, как ищейки, выискивая под завалами находящихся в сознании. Эмпатия позволяла сделать это в считанные секунды, без тщательного сканирования и иных сложностей, с которыми сталкивались спасательные службы других планет.

По их наводкам киборги разбирали завалы, а когда всех раненых, которых сумели отыскать с помощью эмпатии, извлекли из-под обломков, дошло дело и до сканеров. Поиск с их помощью был долгим и кропотливым занятием, но лишившихся сознания эмпаты почувствовать не могли.

Несмотря на это, идиллийцы образовали что-то вроде живой сети, стоя друг от друга на расстоянии, позволявшем коллективно охватить всё место побоища, на случай, если кто-то под завалами придёт в себя.

Это время словно выпало из жизни Рама. Он отваливал обломки, накладывал повязки, командовал, не слыша своего голоса... Даже говорил о чём-то с помогавшей разбирать завалы Ракшей, но слов вспомнить не мог. Часть китежца жила своей жизнью, словно сама по себе действуя по заложенному алгоритму. А другая...

Другая – навсегда осталась там, под завалами разрушенного опорного пункта.

Вопреки законным опасениям, к месту трагедии не набежали ни вездесущие журналисты, ни многочисленные обезумевшие родственники пострадавших, мешающие работе решительно всех служб. Точнее, местных пришло много, но они оказались неожиданно вменяемыми, а под руководством пришедшей в себя Зары ещё и полезными.

Экс-мэр вообще удивила Костаса. Он ждал, что после пережитого Зара проваляется в госпитале неделю, раздавая интервью местным телеканалам, но она, едва оправившись от потрясения, взялась помогать пострадавшим. Не суетливо мешаться под ногами, раздавая бессмысленные распоряжения, как это любят делать чиновники, а реально координируя добровольцев и спасателей.

Странные на Идиллии политики. И не только они.

Местные журналисты вместо охоты за сочными кадрами взялись за информационное сопровождение пострадавших, собирая и упорядочивая данные о том, кто в какое медицинское учреждение поступил и в каком находится состоянии. Кто-то развозил родственников по больницам, кто-то помогал с разбором завалов, а кто-то уводил прочь излишне впечатлительных доброхотов, своими переживаниями мешавших работать остальным.

На Идиллии затасканная фраза «чужой беды не бывает» обрела реальный смысл.

Не было вспышки ненависти, не было агрессии местных к союзовцам. Была общая беда и одно дело – спасение выживших. А после настала очередь тех, кому повезло меньше.

Лишь когда последнего убитого запаковали в мешок с инертным газом, Костас повернулся к Ракше.

– Остаёшься за старшего, – приказал он. – Госпожа Зара, до моего возвращения по всем вопросам обращаться к лейтенанту Дёминой. А я съезжу, навещу господина полковника Шеридана. Да и к господину генералу загляну.

Развернувшись на каблуках, Рам промаршировал к броневнику, чувствуя, как его начинает трясти от бешенства. Будь Шеридан рядом – Костас, не колеблясь, убил бы эту сволочь. Даже не оглядываясь на трибунал.

Планета Идиллия. Три километра от Зелара, штаб генерала Прокофьева

Когда дверь кабинета отъехала в сторону, являя взору Шеридана фигуру в заляпанном грязью и бурыми разводами засохшей крови, полковник только успел спросить:

– Это что за грёбанный голем?

В следующую секунду он обнаружил, что висит в воздухе, ухваченный за грудки. Рам впечатал корпората в стену и прорычал:

– Назови мне хоть одну причину оставить тебя в живых, угрёбище.

– Что вы себе позволяете... – начал было Шеридан, опознав в «големе» коменданта Зелара, но его бесцеремонно прервали.

– Я позволяю тебе, урод, сказать слова в своё оправдание! – Рам встряхнул жертву.

Зубы Шеридана лязгнули, а в голове полковника теннисными мячиками заскакали панические мысли. В том, что чёртот китежец выполнит угрозу, полковник ни секунды не сомневался.

– Это стандартная практика, – несмотря на испуг, голос Филипа звучал спокойно. – Добро пожаловать на войну, полковник Рам.

– Войну?! – в голосе китежца проскользнули опасные нотки.

– Войну, – кивнул Шеридан. – И поставьте меня на пол, пожалуйста. Здесь не кабак. Напомню также об уголовной ответственности за неуставные взаимоотношения, полковник.

– О да, – Рам хмыкнул, разжимая руки. – Как речь о собственной шкуре – так сразу вспоминаем про уголовную ответственность. Да, полковник?

– Именно, – Шеридан, поняв, что прямо сейчас его никто не убьёт, принялся отвоёвывать инициативу.

– А что вы думаете про воинские преступления, полковник? – осведомился Костас.

– А их нужно доказать, – ухмыльнулся Шеридан. – Не думаю, что кто-то станет портить сладкий вкус победы из-за кучкидохлых туземцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

БДК – большой десантный корабль.

2

Редъярд Киплинг, «Два пригорка», пер. Евгений Витковский.

3

ОМП – оружие массового поражения. Общее определение для химического, биологического и ядерного оружия.

4

ВОП – взводный опорный пункт, часто используется в качестве блокпоста.

5

Прогон сквозь строй (шпицрутены) – наказание, широко применявшееся в русской и европейских армиях в XVIII-XIX веках. Наказанного заставляли проходить сквозь строй солдат, которые прутьями или шомполами били его по спине.

Купить: https://tellnovel.com/gedeon_aleksandr-i-evgeniya/ad-idet-s-nami

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)